

ПУБЛИКАЦИИ

«ДА БЛАГОСЛОВИТ ГОСПОДЬ ПЛОДЫ ТРУДОВ ТВОИХ НА ПОЛЬЗУ СВЯТОЙ ЦЕРКВИ И ДУХОВНОЙ НАУКИ...» (ПИСЬМА ПРОТОИЕРЕЯ НИКОЛАЯ ВИНОГРАДОВА К А. А. ДМИТРИЕВСКОМУ)

В публикации представлены письма профессора Казанской духовной академии протоиерея Николая Петровича Виноградова к другу и соученику по академии Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому. Письма охватывают период с 1893 по 1927 г. В них освещаются проблемы развития богословской науки и учебного процесса Казанской духовной академии в стабильный период ее деятельности (1893–1898), особенности духовно-академической жизни в мятежный период российской истории начала XX в. (1907–1916), судьбы членов казанской духовно-академической корпорации в послереволюционный период, после прекращения деятельности академии (1925–1927). К письмам протоиерея Н. Виноградова присоединено письмо его вдовы Раисы Никандровны 1928 г. с описанием кончины и погребения супруга. Публикуемые письма находятся в архивном фонде А. А. Дмитриевского в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки и продолжают цикл публикаций архивных документов, связанных с жизнью и деятельностью знаменитого русского литургиста.

Ключевые слова: *протоиерей Николай Петрович Виноградов, Алексей Афанасьевич Дмитриевский, Казанская духовная академия, высшее духовное образование, богословская наука.*

Автором большей части публикуемых писем является профессор Казанской духовной академии протоиерей Николай Петрович Виноградов, адресованы они его другу и соученику по академии Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому.

Протоиерей Николай Петрович Виноградов (11.05.1855–21.03 (03.04)1928)¹ был представителем казанской духовно-академической когорты и носителем ее традиции. Он родился в семье священника Вятской губернии и прошел традиционный путь сына российского клирика: окончил Вятскую ДС (1876) и КазДА (1880). В академии он учился на богословском отделении, причем очень успешно: при окончании за написанную на 3-м курсе диссертацию «Догматическая система святого Григория Богослова» получил не только ученую степень кандидата богословия, но и премию митрополита Литовского Иосифа (Семашко)². По завершении полного академического курса Н. П. Виноградов был определен преподавателем латинского языка в Нижегородское ДУ, но уже через год был приглашен в родную академию и после защиты диссертации *pro venia legendi* и двух пробных лекций³ с 19 августа 1881 г. неотступно пребывал на академической кафедре латинского языка и его словесности⁴. Статус Николая Петровича менялся в зависимости от духовно-академической ситуации и личных успехов: начав свою академическую деятельность приват-доцентом, после введения нового академического Устава 1884 г. он стал исполняющим должность доцента.

Однако деятельность Н. П. Виноградова не ограничивалась непосредственно учебным процессом, но сопрягалась, с одной стороны, со священным служением, с другой, — с административной работой.

¹ С датой рождения протоиерея Николая, указанной в именной статье в «Православной энциклопедии», — 11 мая 1852 г. (Православная энциклопедия. Т. VIII. М., 2004. С. 524) — согласиться трудно, ибо сам о. Николай указывает в публикуемых письмах, что родился в 1855 г. (ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 1. Ед. хр. 387. Л. 48), а в его послужном списке, составленном в 1910 г., указан возраст протоиерея Николая — 55 лет (РГИА. Ф. 796. Оп. 441. Д. 53. Л. 52 об.).

² Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии (далее: ПЗС КазДА) за 1881 год. Казань, 1882. С. 358.

³ Тема диссертации *pro venia legendi* «О косвенной речи (*oratio obliqua*) в первых двух книгах “Истории” Тита Ливия»; лекций: «О Тите Ливии» и «Разбор 1-й оды Горация к Мecenату».

⁴ ПЗС КазДА за 1881 год. С. 175–176.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

3 июля 1883 г. Николай Петрович венчался с дочерью известного казанского протоиерея Никандра Александровича Переверзева (1829–1883), законоучителя 1-й Казанской гимназии, настоятеля гимназического Крестовоздвиженского храма и священника Казанско-Богородицкого женского монастыря. Правда, сам протоиерей Никандр скончался незадолго до этого — 15 апреля 1883 г., и Н. П. Виноградов взял на себя заботы о всей семье. Его невесте — Раисе Никандровне — на момент венчания не было еще 17 лет (родилась 28 июля 1866 г.)⁵. Их брак, насколько можно понять по письмам, был счастливым, хотя и бездетным. Раиса Никандровна напишет уже после кончины мужа, что он относился к ней «скорее по-отечески»⁶. Вскоре после венчания Н. П. Виноградов был определен на место тестя законоучителем в 1-ю Казанскую гимназию, а через полтора месяца, 15 августа 1883 г. рукоположен архиепископом Казанским и Свияжским Палладием (Раевым) во священника к гимназической Крестовоздвиженской церкви⁷.

Но академия оставалась главной ценностью в жизни о. Николая, и он упорно не оставлял своей учебной, а по мере возможности и научной деятельности. После защиты 14 июня 1887 г. магистерской диссертации⁸ и утверждения в степени 26 октября того же года он был утвержден в должности доцента⁹, что укрепило его академический статус. Но обилие епархиальных должностей не позволяло отдаться полностью науке — на это о. Николай жалуется другу в своем первом письме 1893 г. Назначенный в 1888 г. членом уездного отделения епархиального Училищного совета, о. Николай на следующий год стал его председателем, а в 1890 г. был назначен председателем Совета Казанского ЕЖУ¹⁰.

Указом Синода от 12 декабря 1894 г. о. Николай был удостоен звания экстраординарного профессора и назначен инспектором академии с возведением 26 декабря того же года в сан протоиерея и условием оставления сторонних — вне академии — обязанностей¹¹.

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 441. Д. 53. Л. 53.

⁶ Письмо Р. Н. Виноградовой к А. А. Дмитриевскому от 19 апреля (ст. ст.) 1928 г. (ОР РНБ. Ф. 253. Д. 388. Л. 2).

⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 441. Д. 53. Л. 52 об. – 53.

⁸ *Виноградов Н., свящ.* Догматическое учение св. Григория Богослова. Казань, 1887.

⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 441. Д. 53. Л. 53 об. – 54.

¹⁰ Там же. Л. 54 об. – 55.

¹¹ Там же. Л. 55 об. – 56.

Тем не менее, протоиерей Николай и в дальнейшем занимался активной просветительской деятельностью, не ограничиваясь стенами академии. Так, в 1906–1917 гг. он состоял членом совета казанского миссионерского Братства святителя Гурия, а в 1912–1917 гг. — и секретарем совета¹².

Но, конечно, главным предметом попечения о. Николая была академия. Он исполнял инспекторские обязанности на удивление долго, пережив на этом посту смену нескольких ректоров, тяжелые для всей России и для духовной школы 1905–1906 гг., введение и отмену в академиях Временных правил, разработку и введение нового Устава 1910 г. Во всех этих ситуациях на инспектора падала максимальная нагрузка и ответственность: именно он являлся главным ответчиком за студентов перед начальством, основным виновником в глазах студентов за вводимые строгости, связующей инстанцией между ректором и преподавательской корпорацией. Видимо, о. Николай, несмотря на все его переживания и горести, справлялся со всеми этими проблемами достаточно успешно.

Указом Синода от 3 марта 1908 г. протоиерей Николай был удостоен звания заслуженного экстраординарного профессора. Однако Устав духовных академий 1910 г. строго предписывал профессорам «по выслуге 30 лет духовно-учебной службы» оставлять службу при академии — правда, с возможностью «при желании и с разрешения Святейшего Синода» участвовать в заседаниях Совета с решающим голосом и выполнять поручения Совета¹³. Поэтому протоиерей Николай, прослуживший к 1910 г. как раз 30 лет, несмотря на нежелание оставлять любимое дело, был вынужден, как и прочие «ветераны», подать прошение об увольнении и был освобожден от должности с начала 1910/11 уч. г. Однако Устав позволял уволенным на пенсию профессорам по ходатайству Совета и с разрешения Синода продолжить преподавание «по освободившейся с оставлением сим профессором службы при академии кафедре», но не более, чем на год и с окладом «не выше доцентского»¹⁴. Так как подготовленного преемника о. Николаю по кафедре латинского

¹² РГИА. Ф. 796. Оп. 441. Д. 53. Л. 55 об. – 56.

¹³ Высочайше утвержденный 2 апреля 1910 г. Устав православных духовных академий. § 89–90 // Полное собрание законов Российской империи. Третье собрание (далее: ПСЗ III). Т. XXX. Отд. 1. СПб., 1913. № 33274. С. 420.

¹⁴ Там же. § 91. С. 420.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

языка и его словесности не было, это право указом Синода от 12 ноября 1910 г. было даровано и ему¹⁵.

Сменить о. Николая должен был выпускник КазДА 1910 г. Александр Мотрохин, оставленный при кафедре латинского языка профессорским стипендиатом. Однако этого не произошло — как считала корпорация, по воле ректора академии преосвященного Алексия (Дородницына)¹⁶, — и протоиерей Николай преподавал вплоть до лета 1914 г. И в эти годы он не ограничивался исключительно академической деятельностью. Так, он был одним из инициаторов создания и руководителем открытых Высших женских богословских курсов, открытых в Казани 5 ноября 1911 г. С января 1912 г. о. Николай состоял благочинным церковей при казанских духовно-учебных заведениях.

В июле 1915 г. о. Николай стал настоятелем собора Казанского Богородичного девичьего монастыря, где служил вплоть до кончины. В этом служении он находил утешение: «Служи — сколько хочешь и когда хочешь, молись — беспрепятственно и досыта»¹⁷. Но академия с ее столь сложными и столь любимыми хлопотами все же не отпускала о. Николая: он продолжал читать лекции, иногда служить в ее храме и жить ее интересами. После революции и национализации в 1919 г. зданий КазДА протоиерей Николай с другими профессорами академии продолжил читать студентам лекции частным образом на квартирах, и в марте 1921 г. вместе с ректором КазДА епископом Чистопольским Анатолием (Грисюком) и другими преподавателями был арестован за нарушение знаменитого декрета ВЦИК от 23 января 1918 г. «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» и содержание незарегистрированного учреждения. Несмотря на приговор — год заключения условно, — о. Николай вместе со своими коллегами учредил в ноябре 1921 г. Богословский институт, просуществовавший до 1923 г.

В письме Раисы Никандровны описаны последние дни жизни протоиерея Николая — скончался он 21 марта (3 апреля) 1928 г. Отпевание совершал сонм учеников о. Николая: два казанских викария — епископы Чебоксарский Афанасий (Малинин) и Спасский Варсонофий (Лузин) — и 53 священника...

¹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 441. Д. 53. Л. 59 об. – 60.

¹⁶ ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 1. Ед. хр. 387. Л. 37.

¹⁷ Там же. Л. 39 об. – 40.

В отличие от «казанского домоседа» протоиерея Николая, А. А. Дмитриевский в период, охваченный письмами, вел очень активный образ жизни. Будучи вплоть до 1907 г. профессором КДА, он неоднократно совершал путешествия по православному Востоку и в Европу, неустанно собирая, изучая и описывая литургические рукописи. В 1907 г., став секретарем Совета Императорского православного Палестинского общества (ИППО), он еще более приблизился к любимому им Востоку и смог даже помогать своим знакомым, бывшим коллегам и студентам совершать паломнические и ученые поездки — просьбы об этом есть и в письмах протоиерея Николая. Наконец, письма захватывают и два последних периода жизни А. А. Дмитриевского — астраханский (1919–1922) и петроградский (1923–1929). В это время Алексею Афанасьевичу удалось вернуться к профессорской деятельности, а в Петрограде — и к преподаванию любимой истории христианского богослужения на Высших богословских курсах. Здесь 30 декабря 1927 г. был отпразднован и 45-летний юбилей научной деятельности Алексея Афанасьевича, о котором говорится в письмах протоиерея Николая.

Последний раз друзья виделись летом 1927 г., когда А. А. Дмитриевский приезжал в Казань: об ожидании этой поездки говорится в последнем письме протоиерея Николая от 16 марта 1927 г., об исполнении этого ожидания — в письме Раисы Никандровны от 19 апреля (ст. ст.) 1928 г. Это была прощальная встреча, и надо надеяться, что им удалось, как и мечтал протоиерей Николай, «побеседовать «усты к устам»¹⁸.

Через два года, 10 августа 1929 г., отошел ко Господу и А. А. Дмитриевский¹⁹.

* * *

Публикуемые письма датируются 1893–1928 гг., по временным периодам и содержанию их можно разбить на три части: 1893–1898 гг. (письма № 1–4); 1907–1916 гг. (письма № 5–21); 1925–1927 гг. (письма № 22–25), к последним примыкает и письмо вдовы протоиерея Николая Раисы Никандровны 1928 г. Переписка, неоднократно «замиравшая», возоб-

¹⁸ ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 1. Ед. хр. 387. Л. 49 об.

¹⁹ О выяснении точной даты кончины А. А. Дмитриевского см.: Акишин С. Ю. Последний период жизни и судьба научного наследия профессора Киевской духовной академии А. А. Дмитриевского // Труды Киевской духовной академии. 2011. № 15. С. 257–259.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

новлялась к 17 марта (по ст. ст.) — церковной памяти Алексия, человека Божия, именинам А. А. Дмитриевского. К этому дню протоиерей Николай, подводя итоги прожитого, отчитывался в них старинному другу.

Видимо, не все письма о Николая сохранились — об этом свидетельствуют и временные лакуны, и содержание писем. Однако и они позволяют не только дополнить некоторыми нюансами судьбу одного из старейших профессоров КазДА и историю их отношений с А. А. Дмитриевским, но и понять «изнутри» драматические повороты жизни академии и взаимоотношения в ее корпорации.

Каждый из выделенных блоков писем о Николая требует особого комментария.

Письма 1893–1898 гг. отражают еще относительно благополучный период жизни КазДА, и проблемы, волнующие автора, связаны в основном с учебной и научной деятельностью и внутренними отношениями в корпорации: защиты диссертаций, составление рецензий, празднование юбилеев, выборы почетных членов. Однако в этом благополучии выявляются проблемы духовно-академической жизни в ее стабильном состоянии. Одна из них, которой посвящено публикуемое письмо № 1, — занятие научными исследованиями, их непростое совмещение с учебными трудами, священным служением и многочисленными дополнительными епархиальными послушаниями. А. А. Дмитриевский, посвятивший всю жизнь служению Церкви богословской наукой, не щадивший сил и никогда не ослабевавший в этом служении, был примером и укором для всех своих друзей и соратников.

Еще одна важная тема, затрагиваемая в письмах этого периода, — академическое управление, взаимоотношения ректоров с преподавательской корпорацией и студентами. В 1895 г. многолетний ректор КазДА протоиерей Александр Поликарпович Владимирский, занимавший эту должность с 1871 г. и ставший для всех учащихся и учащих добрым «папашей», был заменен молодым архимандритом Антонием (Храповицким), в свои 32 года уже успевшим побывать инспектором СПбДА (1889–1890) и ректором Санкт-Петербургской ДС (1890–1891) и МДА (1891–1895). Эта смена была очень знаменательной: в России начался новый этап укрепления в духовной школе ученого монашества. С одной стороны, он принес вдохновение, привлекшее молодую плеяду ревнующих о церковном служении и духовном совершенстве. С другой сторо-

ны, появление на ректорских должностях молодых монахов, имевших начальственные права по отношению к более опытным и состоятельным в научном отношении профессорам, привносило в духовно-академическую сферу немалые проблемы. Эти проблемы отражены в письмах протоиерея Николая.

Письма протоиерея Николая 1907–1916 гг. полны переживаний, связанных с событиями и обстановкой в высшей духовной школе в крайне непростой период ее истории. Завершился острый всплеск нестроений, связанных с первой русской революцией, однако мятежный дух не покинул академию. Святейший Синод, вынужденный в конце 1905 — начале 1906 г. утвердить «автономию» духовных академий в виде так называемых «Временных правил»²⁰, в 1908–1909 гг. старался вернуть ситуацию к прежнему порядку. С этим была связана назначенная Святейшим Синодом ревизия духовных академий, о которой идет речь в письмах протоиерея Николая № 7–9. В КазДА ревизию проводил архиепископ Арсений (Стадницкий), и последствия ее болезненно переживались преподавательской корпорацией, что отразилось в письмах о. Николая²¹: внесение в жизнь духовных академий «официального порядка» оказалось крайне непростым — принимаемые меры приводили иногда к противоположным последствиям, и прецеденты этого болезненного процесса ярко запечатлены в письмах.

Наконец, в письмах 1925–1927 гг. представлены картины Казани, пережившей революционные бури и учившейся жить в новых — советских — условиях. Академия не действовала, на месте церкви был устро-

²⁰ 26 ноября 1905 г. Святейшим Синодом были установлены «главные основания» академической жизни в новых условиях; 25 января 1906 г. был изъяснен порядок применения этих правил к академической жизни; 21 февраля 1906 г. Учебный комитет при Святейшем Синоде представил результат согласования «главных оснований» с Уставом духовных академий 1884 г. (РГИА. Ф. 796. Оп. 186 (отд. 1, ст. 2). Д. 486. Л. 1–1 об.).

²¹ 11 марта 1908 г. Высочайшим указом по предложению обер-прокурора П. П. Извольского была назначена ревизия всех четырех духовных академий. Ревизорами были назначены архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий) (в КДА) и архиепископ Херсонский Димитрий (Ковальницкий) (в три других академии); в сентябре 1908 г. им в помощь был определен архиепископ Псковский Арсений (Стадницкий), которому была поручена ревизия КазДА. Отчеты ревизоров обсуждались в Синоде в начале 1909 г.; окончательный доклад «О мероприятиях к благоустройству духовных академий, на основании отчетов по ревизии оных» был выработан и принят на заседании Синода 15 июня 1909 г.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

ен клуб, в главном корпусе печальным парадоксом разместился «Татарский университет». Богословский институт, призванный хотя бы в какой-то степени заменить академию, «хотя и не закрыт, но уже 2-й год не функционирует за неимением средств»²². Бывшие профессора бедствовали: кому-то удалось найти «советскую службу», кто-то сидел без места и голодал. В письмах есть подробности о разорении монастырей, захвате казанских церквей обновленцами. Но по-прежнему 8 (21) ноября корпорация КазДА в лице уцелевших преподавателей праздновала академический день — Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных.

* * *

Публикуемые письма содержатся в архиве А. А. Дмитриевского в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Ф. 253. Ед. хр. 387, 388). Всего сохранилось 25 писем протоиерея Николая Виноградова 1893–1927 гг. общим объемом 57 рукописных листов и одно письмо его вдовы Раисы Никандровны от 19 апреля (2 мая) 1928 г.

Все письма — подлинники, автографы. В публикации все письма расположены в установленной хронологической последовательности, а не в том порядке, в котором они хранятся в ОР РНБ. Так как датирована только часть писем протоиерея Николая, время написания остальных определено, исходя из содержания.

1. Письмо № 8 (л. 56–57 об.), не имеющее авторской датировки, отнесено к весне 1909 г., ибо речь идет о последствиях ревизии КазДА, проведенной осенью 1908 г. архиепископом Псковским и Порховским Арсением (Стадницким). При этом протоиерей Николай поздравляет А. А. Дмитриевского с Пасхой (которая в 1909 г. праздновалась 29 марта), что позволяет уточнить дату письма: после 29 марта, но не позднее 6 мая. Поэтому это письмо помещено между письмом от 12 марта 1909 г. (№ 7; л. 16–17 об.) и письмом от 14 сентября 1909 г. (№ 9; л. 18–19 об.).

2. Письма № 11–13 (л. 50–51 об.; 52–53 об.; 54–55 об. соотв.), не имеющие авторской датировки, отнесены к весне (№ 11 и 12) и лету (№ 13) 1910 г., исходя из их содержания: А. А. Дмитриевский совершает путешествие по православному Востоку (декабрь 1909 г. — август 1910 г.), новый Устав духовных академий представлен на Высочайшее рассмотрение (№ 11 и 12) и уже готов ко введению в действие (№ 13).

²² ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 1. Ед. хр. 387. Л. 43.

Поэтому эти письма помещены между датированными самим автором письмами от 12 января 1910 г. (№ 10; л. 20–21 об.) и от 20 августа 1910 г. (№ 14; л. 22–23 об.). Дополнительными указаниями для порядка писем являются: в письме № 11 — ожидание протоиереем Николаем от А. А. Дмитриевского «ответного письма на мое письмо, отправленное... в январе» (л. 50); в письме № 12 — упоминание двух, уже посланных в Иерусалим (л. 52); в письме № 13 — уже состоявшийся указ Синода от 21 июля и только ожидаемое 15 августа введение в действие Устава (л. 54–54 об.).

Во вступительной статье и примечаниях к письмам используются принятые сокращения названий духовных школ: СПбДА — Санкт-Петербургская духовная академия, МДА — Московская духовная академия, КДА — Киевская духовная академия, КазДА — Казанская духовная семинария, ДС — духовная семинария, ДУ — духовное училище, ЕЖУ — епархиальное женское училище.

Для составления вступительной статьи и комментариев были использованы протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии (с 1913 г. Императорской) (ПЗС КазДА) за 1893–1914 гг. и некоторые архивные источники из Российского государственного исторического архива (РГИА), Национального архива Республики Татарстан (НА РТ) и Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ).

Кроме того, учитывались труды дореволюционных и современных исследователей: *Терновский С. А.* Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования (1870–1892). Казань, 1892; *Харлампович К. В.* Казанская духовная академия новая: 1842–1907 гг. // Православная богословская энциклопедия. Т. VIII. СПб., 1907. Ст. 702–854; Чествование бывшего инспектора академии прот. Н. П. Виноградова // Православный собеседник (далее: ПС). 1911. № 10. С. 489–490; *Сове Б. И.* Русский Гоар и его школа // Богословские труды (далее: БТ). 1968. Сб. 4. С. 39–84; *Журавский А. В.* КазДА на переломе эпох (1884–1921 г.). Дисс. ... к. и. н. М., 1999; *Он же.* Виноградов Николай Петрович, прот., проф. КазДА // Православная энциклопедия. Т. VIII. М., 2004. С. 524; *Сухова Н. Ю.* Система научно-богословской аттестации в России в XIX — начале XX в. М., 2009; *Она же.* Русская богословская наука (по докторским и магистерским диссертациям 1870–1918 гг.). М., 2012; *Аки-*

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

шин С. Ю. Последний период жизни и судьба научного наследия профессора Киевской духовной академии А. А. Дмитриевского // Труды Киевской духовной академии. 2011. № 15. С. 249–267; памятные статьи и некрологи.

Наконец, привлекались статьи из Электронной базы ПСТГУ «Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в.» (http://213.171.53.29/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/charset/ans?notextdecor).

Вступительная статья, публикация и примечания Н. Ю. Суховой

1. ПИСЬМА ПРОТ. НИКОЛАЯ ВИНОГРАДОВА К А. А. ДМИТРИЕВСКОМУ

№ 1 от 7 марта 1893 г. Казань. Л. 1–2 об.

л. 1

Любезнейший Алексей Афанасьевич!

Сердечно поздравляю тебя с днем ангела¹ и желаю тебе паче всего здоровья, в котором ты так нуждаешься при своей неукротимой страсти к науке и литературе. Еще тебе чего пожелать? Естественнее всего, конечно, блестящих успехов в твоих ученых занятиях. Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Св[ятой] Церкви и духовной науки. Присоединил бы к этому еще одно пожелание, но едва ли оно будет тобою принято, напротив, не обратилось бы мне с твоей стороны в упрек, еще горший прежнего, каким ты подарил меня в день моего ангела². Посему не пожелаю, а выскажу только, как свое мнение: не мешало бы тебе несколько убавить энергии в твоей ученой деятельности, при твоей, как ты пишешь, плотской немощи. Наука — море великое и пространное, всего его не выхлебаешь, и чем торопливее и жаднее будешь хлебать, тем скорее захлебнешься; осторожность, необходимая всюду, потребна

л. 1 об. и в научных трудах. || Ты уже, кажется, немножко надорвал свои силы неумеренными занятиями и, вне всякого сомнения, сожалеешь об этом; а что будет дальше? Чем больше будут пребывать годы, тем чувствительнее будут сказываться результаты небрежения здоровьем. Будешь сильно каяться в ошибках и увлечениях научными трудами, но уже не воротишь. Я, конечно, отнюдь не против этих трудов, но всему есть мера; тем более, что торопиться нам некуда: что нам предназначено, того никто у нас не отнимет, и рано или поздно оно будет нашим; по моему мнению, лучше позднее получить предмет желания и дольше им обладать, нежели скорее получить, но не долго им пользоваться... Но об этом довольно: знаю, что тебя ничем не убедишь; а, пожалуй, такими

¹ 17 марта по ст. ст. — церковная память Алексия, человека Божия, именины А. А. Дмитриевского.

² 6 декабря по ст. ст. — церковная память святителя Николая Мирликийского, именины протоиерея Николая.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

рассуждениями вызовешь с твоей стороны новую филиппику, которую ты во всяком случае не поленишься настрочить ранее моих именин и уже не только не в именинном тоне, а прямо в ругательном: вот, скажешь, сам ничего не делает, и других тянет туда же.

Ну, дружище, угодил же ты ныне мне 6-го декабря своим письмом! Как ныне я ни скуп на письма, а тебе хотел немедленно же по получении твоего «поздравительного» письма писать целую апологию; только какое-то — не помню — дело остановило меня, и я должен был отложить тебе письмо до более свободного времени. ||Письмо твое — цел. л. 2
лый обвинительный акт против меня и многих других доцентов и даже э[кстра]-ординаров нашей Академии. Не беру на себя защиту других, но себя хочу все-таки хотя сколько-нибудь защитить от твоих суровых нападков и столь решительного приговора, по которому я нравственно должен был бы оставить Академию и довольствоваться более скромным званием учителя.

Не буду оправдываться в том, что я после своей магистерской в литературном отношении в печати не произвел почти ничего. Это — совершенная правда, хотя справедливость требует сказать и о том, что после магистерской написано мною и хранится пока в рукописях у меня столько, что может составить в печати другую магистерскую. Далее: ты знаешь, что мои лекции в Академии, читанные в первые годы моей службы, терпимы были, только как лекции ученого филолога-новичка, нельзя же ими было пробавляться дальше, хотя это «дальше», по обстоятельствам, тебе хорошо известным, продолжилось до самого окончания моей магистерской; теперь долг требовал писать если не все, то большую часть лекций вновь. На это разве мало нужно времени? Между тем это — такой труд, который в печать пустить я не могу. Наконец, сколько времени я убил и доселе убиваю || в этих комиссиях и подкомиссиях, ко- л. 2 об.
торые тебе так ненавистны! А кто тут виноват? — Уж никак не я. Неужели ты думаешь, что я сам залез в эти советы, комитеты и отделения? Я не думал лезть туда, напротив, отбояривался от них всеми силами, зная, что они отнимут у меня время, столь дорогое для меня и в Академии, и в гимназии. Всему вина — ряса, не будь ее — не был бы я связан никакими епархиальными обязанностями. Ты, как не облеченный в эту духовную тогу, конечно, и представить себе не можешь, сколько зависимости с ней соединено. Я еще не состою на епархиальной службе, и то мне «заве-

ща понести» столько епархиальных даровых и нелегких епархиальных должностей; а что бы было, если бы я был еще приходским священником?... Спросишь ты: как же случилось, что на меня взвалили столько обязанностей, совершенно чужих моему положению? Очень просто: архиерей призвал, сначала просил, потом убеждал, а затем приказал быть посему — и только. Противоречить раб владыке разве решится?... Все это было устроено преосв[ященным] Павлом³; теперь у нас Владимир; пытаюсь всячески сложить с себя хотя некоторые посторонние должности, но не знаю, удастся ли. А тяжело, тяжело мне приходится: поработай как по 7 должностям! Поверь, что я теперь уже совсем не тот, что был прежде. Работаю целые дни и ночи, имея в своем распоряжении для отдыха не более 5 часов в сутки; и это продолжается теперь уже 3–4 года; 2 года не видал даже и ваката. Какое же здоровье вытерпит? А нашим || л. 1 владыкам до этого и дела нет. Новый наш архипастырь даже сказал мне, что нужно работать до положения живота...

Остается одно из двух: или ссориться с архиереем, или действительно «положить живот». Что будет дальше, сообщу тебе.

Хотелось бы еще о многом поговорить с тобой, но за крайним недосугом отлагаю до другого письма.

До свидания!

Твой друг иерей Н. Виноградов.

Супруга моя тебе шлет нижайший поклон и приветствие.

Тот же.

№ 2 от 16 ноября 1895 г. Казань. Л. 3–6 об.

л. 3 Любезнейший друг, Алексей Афанасьевич!

Исполняю твою просьбу — пишу тебе до декабря, пока ты еще не сел за «именинное» мне письмо. Поговорить есть о чем и — хотелось бы поподробнее, да сейчас сижу за работой для публичной лекции в читальне св. Владимира. Посему ограничусь хотя немногим, наиболее интересным.

Сначала отвечу на твои вопросы. Относительно молчания нашей Академии на юбилее Д. В. Пospехова я добился только одного: все мне говорили, что мы и не знали точного времени юбилея, да и юбилярто нам почти неизвестен ничем, кроме 50-летнего служения в Акаде-

³ Павел (Лебедев), архиепископ Казанский и Свияжский (29.09.1887–23.04.1892).

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

мии; потому никому и в голову не приходило посылать поздравление⁴. А Фаворову было послано Антониево приветствие потому, что он был предварен о предполагавшемся юбилее начальством Киевского университета⁵. Кстати: как мало || ценят в университетах профессоров бого- л. 3 об. словия, — зри из следующего. В нашем университете по поводу юбилея Фаворова было сделано в Совете проф[ессором] Н. К. Миловидовым предложение об избрании его «почетным членом»⁶. Но увы! Поднялись такие крики и протесты, что предложение сразу же провалили. Между тем тут же чуть не единогласно избрали какого-то вольного инвалида, не оказавшего университетской науке и 10-й доли того, что сделано почетным о. прот[оиереем] Фаворовым. Наша Академия, впрочем, кажется, достаточно искупила свою ошибку к Поспехову, избрав его своим почетным членом в заседании 27 октября «во внимание к его многолетней службе в Академии и ученым трудам». Тогда же были избраны: Ловягин, прот. П. Смирнов, преосв[ященные] Димитрий (Подольский) и Макарий⁷.

⁴ Поспехов Дмитрий Васильевич (1821–1899) — выпускник КДА (1845), магистр богословия; с 1845 г. бакалавр, с 1851 г. экстраординарный, с 1853 г. ординарный профессор КДА по кафедре философии; с 1874 г. доктор богословия. В сентябре 1895 г. праздновалось 50-летие духовно-учебной деятельности Д. В. Поспехова.

⁵ Фаворов Назарий Антонович (1820–1897), протоиерей — выпускник КДА (1845), магистр богословия; в 1845–1859 гг. преподавал в КДА Священное Писание, патристику, церковное красноречие. С 1859 г., по принятии священного сана, был назначен профессором богословия Киевского университета святого князя Владимира; с 1862 г. доктор богословия. В сентябре 1895 г. праздновалось 50-летие духовно-учебной деятельности протоиерея Назария. «Антониево приветствие» — от имени ректора КазДА архимандрита Антония (Храповицкого).

Антоний (Храповицкий Алексей Павлович; 1863–1936), архимандрит — выпускник СПбДА (1885), в том же году принял постриг; преподаватель гомилетики, литургики и каноники в Холмской ДС (1886), преподаватель (1887) и инспектор (1889) СПбДА, ректор Санкт-Петербургской ДС (1890), МДА (1891), КазДА (1895), с 1897 г. в сане епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии, с 1899 г. — епископа Чистопольского, викария той же епархии; с 1900 г. епископ Уфимский и Мензелинский.

⁶ Миловидов Николай Константинович (1844–1896), протоиерей — выпускник Нижегородской ДС (1866) и КазДА (1870); с 1887 г. профессор богословия Казанского университета и священник университетской Крестовоздвиженской церкви.

⁷ Ловягин Евграф Иванович (1822–1909) — выпускник СПбДА (1847), в ней же бакалавр греческого языка (1847), экстраординарный (1853) и ординарный (1857) профессор математики, после 1869 г. — профессор греческого языка и его словесности; с 1894 г. на пенсии.

Что сказать о нашей Академии при новом начальстве⁸? Жизнь и деятельность год идет почти так же, оживившись разве немного. Наш о. ректор, видимо, занят больше студентами, чем профессорами. Последние, кажется, снискали себе у него все или почти все полное доверие, и он ни мало не наблюдает за ними. Из всех их пользуется его особым уважением и любовью П. В. Знаменский⁹. Кстати: ты спрашиваешь о судьбе П[етра] Васильевича? Дело его уже давно отправлено в Синод с ходатайством — оставить его при Академии || с доцентским жалованьем. Но до сих пор нет ни ответа, ни привета. Между тем, Академия взвалила на него новую тяжелую ношу: при решении вопроса о реформировании нашего журнала и «Известий» все остановилось на мысли — сделать редактором изданий одного П[етра] Васильевича; стали его упрашивать,

Смирнов Петр Алексеевич (1831–1907), протоиерей — выпускник МДА (1854), в ней же бакалавр церковной археологии и еврейского языка (1854); священник церкви св. равноапостольной Марии Магдалины в Императорском Вдовьем доме (1859), протоиерей (1874); законоучитель в ряде московских учебных заведений; настоятель Исаакиевского собора (1886), председатель Учебного комитета при Святейшем Синоде (1897–1905).

Димитрий (Самбикин Димитрий Иванович; 1839–1908), архиепископ — выпускник Воронежской ДС (1861) и СПбДА (1865), магистр богословия; преподаватель общей и русской церковной истории, литургики и канонического права в Воронежской ДС (1866), священник Рождество-Богородицкой (Пятницкой) церкви в Воронеже (1867); ректор Тамбовской ДС в сане протоиерея (1872), затем архимандрита (1877); ректор Воронежской ДС (1881). В 1887 г. хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии; в том же году епископ Балтский, викарий Подольской епархии; с 1890 г. епископ Подольский и Брацлавский; с 1896 г. епископ Тверской и Кашинский, с 1898 г. архиепископ. С 1904 г. доктор церковной истории; с 1905 г. архиепископ Казанский и Свияжский.

Макарий (Невский Михаил Андреевич, урожденный Парвицкий; 1835–1926), епископ — выпускник Тобольской ДС (1854); сотрудник Алтайской духовной миссии (1855), принял монашество (1861), был наместником Чулышманского Благовещенского миссионерского монастыря (1864); член казанского Братства свт. Гурия; начальник Алтайской духовной миссии (1883–1891). В 1884 г. хиротонисан во епископа Бийского, викария Томской епархии, с 1891 г. епископ Томский и Семипалатинский (с 1895 г. Томский и Барнаульский), с 1906 г. архиепископ; с 1908 г. Томский и Алтайский. В 1912–1917 гг. митрополит Московский и Коломенский, с 1917 г. на покое в Николо-Угрешском монастыре; с 1920 г. пожизненный митрополит Алтайский на покое.

⁸ В 1895 г. новым ректором КазДА стал архимандрит Антоний (Храповицкий).

⁹ Знаменский Петр Васильевич (1836–1917) — выпускник (1860) и ординарный профессор КазДА по кафедре русской церковной истории; доктор богословия (1873).

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

он согласился и теперь работает крепко над «оживлением» умиравшего «Собеседника». Прочие профессора живут по-прежнему. На днях (20 ноября) праздновалось 25-летие Ф. А. Курганова¹⁰; 16 или 28 декабря предстоит юбилей М. И. Богословского¹¹. 1-го декабря готовим подарки известному служаке при библиотеке А[лександр]у Гавр[илович]у Яковлеву¹²: студенты, кажется, поднесут ему 100-рублевый % билет, а профессора пока еще не решили ничего определенного. Не поленись писнуть ему строк 5–6 — будет чрезвычайно тронут твоим вниманием. Спросил об отношениях ректора ко мне? В наших отношениях не произошло пока никаких перемен: живем и действуем довольно дружно и согласно. Спасибо ему, — меня поддерживает сильно и пока студентов не распускает. При своей доброте и простоте с ними довольно строг и настойчив (по крайней мере, на словах) в требованиях относительно исполнения более или менее важных правил и инструкций. И, надобно правду сказать, только || при его содействии мне удастся постепенно во- л. 4 об. дворять порядок в разных отношениях между студентами и ослаблять довольно глубоко внедрившиеся в последнее время пороки. Мелочи, правда, он не любит и пропускает без всякого внимания; зато в вещах крупных журит студентов немилосердно, не прибегая, впрочем, к каким-либо строгим и вредным мерам. Доверием между студентами пользуется большим, и влияние его на них несомненно. Ввиду всего этого незаметно, а в действительности несомненно наши студены постепенно подтягиваются. Только вот что: едва ли они не подозревают во всех распоряжениях о. Антония действий инспектора, и на последнего что-то начинают посматривать не совсем прямо, а в некоторых случаях даже просто, обходя его, обращаться прямо к ректору. Уж не болтает ли он им чего-нибудь неподобного на мой счет?.. В некоторых случаях как будто проглядывает у него мысль, что он не разделяет вполне моих требований по отношению к студентам на почве инструкций, а предпочитает

¹⁰ Курганов Федор Александрович (1844–1920) — выпускник (1870) и ординарный профессор КазДА по кафедре общей церковной истории; доктор богословия (1881).

¹¹ Богословский Михаил Иванович (1844–1915) — выпускник (1870) и ординарный профессор КазДА по кафедре Священного Писания Нового Завета; доктор богословия (1895).

¹² Яковлев Александр Гаврилович — казанский мещанин; с 1870 г. состоял вольнонаемным служителем при библиотеке КазДА в статусе младшего сверхштатного помощника библиотекаря, с 1900 г. — 2-го сверхштатного помощника.

им воздействие на «внутреннего человека». Потом нельзя не заметить, что из помощников моих он более сближается с Колокольцевым¹³, который на все смотрит сквозь пальцы и никогда ни о чем мне не доложит; между тем как своего прежнего любимца (Васильевского¹⁴), который относится к своим обязанностям гораздо строже и добросовестнее, теперь держит от себя подальше. Да и частные его домашние беседы со || л. 5 студентами, вероятно, не обходятся без тех или других замечаний по адресу инспекции. Время покажет все, а теперь я пока доволен его, по крайней мере, открытыми действиями. Думаю также, что после своих злоключений в Московской Академии и ввиду результатов ревизии последней Нечаевым (он уже знает, что все беспорядки и расшатанность той Академии взвалили на него)¹⁵ едва ли он решится дать свободу и распустить студентов нашей Академии. Наконец и я, при всей своей сдержанности, зорко блюду и не стесняюсь иногда заявлять что следует. Ну, об этом пока довольно.

В заключение несколько слов о 8-м ноября¹⁶. Праздник наш прошел ныне довольно весело и оживленно. После архиерейского служения, по обычаю, был акт, на котором была прочитана довольно интересная речь А. В. Говоровым¹⁷, потом, после гимна свв. Кириллу и Мефодию, прочитаны были мною извлечения из отчета. Речь почему-то не вызвала со стороны студентов ни единого аплодисмента, и лектор, ужасно обиженный этим, заподозрил студентов в демонстративном отношении к нему за то, что он ставил строго отметки на проповедях. Студенты же отри-

¹³ Колокольцев Вениамин Васильевич (1867–1952) — выпускник Нижегородской ДС (1889) и КазДА (1893), исполнял обязанности помощника инспектора; с 1897 г. магистр богословия. После революции служил учителем русского языка, затем переехал в с. Починки и вскоре в Нижний Новгород.

¹⁴ Васильевский Владимир Петрович — выпускник Казанской ДС (1882) и КазДА (1886), по окончании академии исполнял обязанности помощника инспектора.

¹⁵ Имеется в виду ревизия МДА, проведенная в 1895 г. членом Учебного комитета П. И. Нечаевым. На основе его отчета Синодом был издан критический указ с перечислением замеченных недостатков в административной, финансовой, учебной и воспитательной сторонах жизни академии. Корпорация и Совет МДА сочли часть замечаний несправедливыми и высказали протест.

¹⁶ 8 ноября ст. ст. — Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных, престольный праздник и актовый день КазДА.

¹⁷ Говоров Алексей Васильевич — выпускник (1879) и экстраординарный профессор КазДА по кафедре гомилетики и истории проповедничества; магистр богословия (1887).

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

цают это и объясняют свое поведение сделанным раз навсегда распоряжением || ректора не хлопать. Не ясно, что-то сомнительно. Но вообще л. 5 об. вышло что-то не особенно приятное. Я в своем отчете, между прочим, воздавая должное заслугам А. П. Владимирского¹⁸, порядочно распостранился по его адресу на публичном торжестве. Воспользовавшись этим, наш владыка Владимир¹⁹, по окончании акта, обратился с речью к почтенному старцу, уже бывшему прежде предметом оваций и теперь вновь получившему торжественное заявление признательности ему со стороны Академии, и пожелал ему, чтобы все, сказанное о нем в отчете, постоянно памятовалось в Академии, и чтобы и впредь появление его в Академии всегда было так же радостно приветствуемо, как появление красного солнышка. Старик заплакал и не мог ничего возразить в ответ. А каков «истый-то киевлянин»! Как он умеет замазывать глаза! А тятенька по своей простоте, конечно, и доселе ничего не знает и не подозревает, глубоко веруя в искренность владыки. Академия же действительно сохраняет к нему прежние симпатии, и появление его в ней всегда приветствуется самым радостным и живейшим образом и профессорами, и студентами. Я думаю, ты уже читал в ноябрьской книжке «Собеседника» прощание студентов с бывшим о. ректором. Надобно заметить, что оно описано очень правдиво, только что речи, сказанные студентами, предварительно несколько были сглажены о. Антонием, да опущено, что маститый гость был встречен в храме студентами пением входного «Достойно». «Папенька» ни за что не согласился пропустить этого в печать из своих обычных || опасений и осторожности. И теперь л. 6 все еще боится, как бы ни посмотрели где-нибудь на это студенческое его чествование косо и не подумали, что все это — результат распущенности им студентов. А посещает он нашу Академию нередко, иногда и служит (когда о. Антоний уезжает в собор). 8-го ноября также служил,

¹⁸ Владимирский Александр Поликарпович (1821–1906) — выпускник КазДА (1846), был оставлен в академии, в 1847 г. принял священный сан; с 1850 г. профессор богословия, логики и психологии Казанского университета, настоятель университетского храма (1851), декан историко-филологического отделения философского факультета (1857–1861), затем историко-филологического факультета (1865); ректор КазДА (1871–1895), профессор и по кафедре основного богословия (1871–1884), по кафедре введения в круг богословских наук (1884–1886).

¹⁹ Владимир (Петров Иван Петрович; 1828–1897), архиепископ Казанский и Свияжский (07.05.1892–02.09.1897).

и как всем нам было приятно видеть его «первенствующим» после владыки: так невольно все и переносились мыслями ко временам его ректорства. На обеде того же дня он опять был предметом необыкновенно оживленных оваций со стороны профессоров. Старик так расчувствовался, что пустился было ораторствовать, но после 3-х — 4-х фраз не мог ничего придумать, и, качая бокалом, только и сказал: «ну, сами знаете!...». Эффект был полный, и зал огласился громогласным многолетием и ура! Владыка на обеде был также чрезвычайно весел и шутил немало. Мне, между прочим, пожелал в особом тосте «покойной ночи», очевидно намекая на поведение студентов в «Михайлов день», особенно когда единовременно с профессорским пением многолетий за обедом слышалось пение и студентов, бывших в комнатах, отделенных от ректорских только дверями (ведь теперь часть приемной ректорской квартиры уступлена о. Антонием || студентам — священникам и диаконам, а с будущего года предполагается и остальные ректорские комнаты отдать под больницу, сам же о. Антоний хочет переселиться поближе к студентам в главный корпус, где сейчас больница).

Что еще тебе написать? О нашей Академии я уже, кажется, сказал все. Теперь разве поговорить о других лицах? Поздравил ли ты Преосвящ[енного] Антония Финляндского 27 окт[ября] с 25-летием?²⁰ Наша Академия послала ему адрес и преподнесла роскошный архиерейский служебник. Ответил владыка самым теплым письмом. Инспектор Московской академии о. Кирилл с 8 ноября уже на новом месте — в Казани²¹; виделись мы с ним, но пока мало говорили, отложили беседу до первого свидания в более благоприятное время. Первые шаги его деятельности, после столь ненавистного эмиссара Филарета²², одобряют; не знаю,

²⁰ Архиепископ Финляндский Антоний (Вадковский) 27 октября 1895 г. праздновал 25-летие духовно-учебной деятельности — с 1870 г., когда он по окончании КазДА был оставлен в этой академии приват-доцентом по кафедре пастырского богословия и гомилетики.

²¹ Кирилл (Лопатин Константин; 1868–1900), архимандрит — выпускник Вятской ДС (1889) и КазДА (1893); при окончании академии пострижен в монашество, рукоположен во иеромонаха и назначен инспектором Санкт-Петербургской ДС; с 1894 г. — инспектор МДА; с 1895 г. ректор Казанской ДС; с 1899 г. — ректор Астраханской ДС.

²² Филарет (Никольский Гавриил Петрович; 1858–1921/1922), архимандрит — выпускник Костромской ДС (1880) и СПбДА (1891); при окончании академии пострижен в монашество, рукоположен во иеромонаха; инспектор Тифлисской ДС (1891); ректор Казанской ДС (1892–1895), затем Тульской ДС (1895–1898). В дальнейшем епископ

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

что будет дальше. Известный тебе Ив[ан] Андр[еевич] Яхонтов просился было в смотрители Сарапульского училища, а попал, знаешь, куда? — инспектором Вятской семинарии²³. Не знаю, как это случилось, и что-то будет он делать со своим горячим характером в такой многолюдной и довольно беспокойной семинарии, предшественник его — Миловский будто бы совершенно незаслуженно подвергся стеклобитию, просто по каким-то недоразумениям; убрали было его куда-то далеко, да заступлением своего родственника (Керского) он спасся от ссылки, получил смотрительское место в Сарапуле²⁴. Вот как, нашего брата — инспекторов-то — и впрягают. Мальчишки набездельничают, а инспекторов наказывают... Просто ведь беда!.. Ну, пора мне и закончить || свое, не в меру получившееся болт- л. 3
ливым, письмо и ждать теперь от тебя интересного письма. Смотри, не поленись написать побольше, — в долгу не останусь..

Прощай же и будь здоров и счастлив! Моя супруга тебе шлет низкий поклон и глубочайшее почтение.

Твой искренний протоиерей Н. Виноградов.

№ 3 от 17 ноября 1896 г. Казань. Л. 7–8 об.

Любезнейший друг, Алексей Афанасьевич!

л. 7

Думаю, что ты сильно сердиться и бранишь меня за то, что я до сих пор оставлял твое июньское письмо без ответа. Но погоди: выслушай мои объяснения, и тогда, быть может, смягчишь гнев твой. Я получил твое письмо, можно сказать, уже на пути в Крым, или, вернее сказать, — совсем собравшись, выезжал из Казани. Можно было бы, конечно, написать тебе в дороге, но я считал совершенно бесполезным посылать тебе письмо, в котором не имел возможности сообщить тебе о том, о чем

Киренский, викарий Иркутской епархии (1898–1904); Глазовский, викарий Вятской епархии (1904); Вятский и Слободский (1904–1914); Астраханский и Енотаевский (1916–1918); архиепископ Самарский и Ставропольский (1920–1921).

²³ Яхонтов Иван Андреевич (1848–1906) — выпускник Владимирской ДС (1877) и КазДА (1881); инспектор Вятской ДС (1895).

²⁴ Миловский Сергей Николаевич (1861–1911) — выпускник КДА (1884), смотритель, инспектор Вятской ДС, смотритель Клевакинского и Сарапульского ДУ. Керский Сергей Васильевич (1831–1903) — выпускник КазДА (1854); в 1867–1883 гг. был членом-реvisorом Учебного комитета при Святейшем Синоде; с 1883 г. помощник управляющего Канцелярией Синода, с 1892 г. ее управляющий.

- л. 7 об. главным образом ты просил меня, т[о] е[сть], об отзывах || рецензентов о твоей докторской²⁵. Отзывов этих я так и не видал до ваката, ибо они не были циркулированы между членами Совета, а в видах ускорения дела заслушаны были в заседании лишь одни заключения. Не знаю их я и доселе, а потому не могу тебе о них и сказать; будет время — доберусь до них, почитаю и тогда напишу. А сейчас почему бы не написать? — спросишь ты. Скажу тебе по всей правде: со времени приезда из Крыма (в половине сентября) и до последнего момента дел у меня было так много, что о каких-либо посторонних заметках и подумать было некогда. Ремонт, затеянный в Академии не раньше, как пред моим возвращением с ваката, прием и устройство студентов, юбилей папеньки, наконец,
- л. 8 8 ноября с поручением || мне актовой речи — все это, взятое вместе с обыденными обязанностями и хлопотами инспектора, думаю, хорошо представит тебе мое положение, и ты вполне согласишься, тут мне было не до письма и не до рецензий. Я едва поспел вовремя покончить свою речь, которую, по твоему совету, начал не рано. Теперь же спешу поделиться с тобой сведениями о нашей Академии и посылаю тебе только актовую книжку, в которой ты найдешь и мою неискусную речь и отчет о состоянии нашей Академии за истекший год. К нему следовало бы присоединить описание папенькиного юбилея, но это описание ты прочтешь в декабрьской книжке «Правосл[авного] собеседника», и, может быть, получишь и отдельный экз[емпляр] от самого юбиляра, который
- л. 8 об. взялся издать описание торжества и || всех поднесенных ему адресов и приветствий на свой счет. А я только скажу, вообще, что юбилей был отпразднован блестящим образом и превзошел, по выражению самого юбиляра, всякие его ожидания. Старец был в полнейшем восторге и растроган до последней степени. На днях, к довершению его радости, получил он еще «Александра Невского»²⁶ и теперь уже на верху блаженства.

Что еще написать тебе? Вот новость уже самых последних дней: не далее как вчера и наша Академия произвела двух монахов: приняли пострижение два студента, один (4 курса) из вдовых священников, а другой (2 к[урса]) — из молодых наших питомцев; оба приняли монаше-

²⁵ Весной 1896 г. А. А. Дмитриевский подал в Совет КазДА на соискание ученой степени доктора церковной истории: «Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. 1: Тулика. Ч. 1: Памятники патриарших уставов и ктиторские монастырские типиконы» (Киев, 1895).

²⁶ Орден святого благоверного князя Александра Невского.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

ство, видимо, по убеждению и влечению, хотя, конечно, не без влияния о. Антония²⁷. Сообщу, кстати, и другую новость: наш П. В. Знаменский, несмотря ни на какие просьбы, отказывается от редакторства «Собеседника» и вместо него с января избран С. А. Терновский²⁸.

Ну, а ты как поживаешь? Профессором или все еще доцентом? Что выездил за границу? Не поленись написать мне. В долгу не останусь. Теперь пока прощай! Супруга моя тебе кланяется.

Искренно уважающий тебя, твой закадычный — протоиерей Н. Виноградов.

№ 4 от 10 марта 1898 г. Казань. Л. 9–11 об.

Дорогой и неизменный друг мой, Алексей Афанасьевич!

л. 9

Мой сердечный привет тебе со днем твоего Ангела и искреннейшее пожелание всех благ, наипаче же доброго здоровья, благоденствия, во всем благого поспешения, на враги же победы и одоления и проч., и проч., и проч.!

Душевно благодарю тебя за твое обычное дружеское поздравление меня в день 6 декабря, к которому ты ныне сделал еще некое и «при-

²⁷ Постриг приняли: студент 4-го курса священник Никодим Захарьевич Троицкий (в постриге Нафанаил) и студент 2-го курса Валентин Мефодиевич Лебедев (в постриге Варсонофий).

Нафанаил (Троицкий; 1864–1933), митрополит — выпускник Донской ДС (1886), в 1886–1887 гг. студент КДА, в 1888 г. был рукоположен во священника; овдовев, в 1893 г. поступил в КазДА; по окончании академии был преподавателем Таврической ДС, ректором Олонечкой и Тамбовской ДС; в 1904 г. хиротонисан во епископа Козловского, викария Тамбовской епархии; с 1908 г. епископ Уфимский и Архангельский, с 1912 г. Архангельский, с 1919 г. архиепископ; с 1921 г. Харьковский, с 1924 г. митрополит; в начале 1927 г. временно управлял Воронежской епархией, в том же году был уволен на покой. Варсонофий (Лебедев; 1872–1912), иеромонах — выпускник Тверской ДС (1899) и КазДА (1903); по окончании академии назначен помощником наместника Казанского Спасо-Преображенского монастыря и руководителем Миссионерских курсов при академии; незадолго до смерти ему был предложен епископский сан, от которого он отказался из-за болезни.

См.: Антоний (Храповицкий), архим. Мучительная раздвоенность. Слово, сказанное при пострижении в монашество студентов Казанской духовной академии 4-го курса: священника Никодима Троицкого (Нафанаила) и студента 2-го курса Валентина Лебедева (Варсонофия) // Русский инок. 1913. № 8. С. 494–498.

²⁸ Терновский Сергей Алексеевич (1848–1916) — выпускник КДА (1871), профессор кафедры древнееврейского языка и библейской археологии КазДА; доктор церковной истории (1898).

ложение» в форме брошюрок, заинтересовавших меня до такой степени, что я прочитал их, не отрываясь — «за один присезд». Прочие экземпляры их я передал по назначению и в ответ шлю тебе «спасибо» от всех адресатов, не исключая и Ильи (Степаныча)²⁹, который, несмотря на тяжелое впечатление, только что полученное им от твоей рецензии на алмазовский труд, начатый в ноябрьской книжке «Трудов Киевской л. 9 об. Академии»³⁰, || все-таки проронил два-три слова похвалы по твоему адресу: «талантливый и неутомимый труженик!.. Только бы ему умерить порывы ученого самолюбия и нетерпимости к другим: он думает, что только бы ему одному и работать в его области, другой не смеет и носу совать, и требует, чтобы другие писали, не делая никаких ошибок... Это очень жаль!..» В последнем отношении ему вторил и твой «знаменитый» рецензент (Нарбеков³¹), хотя со времени диспута Прокошева (еще в прошлом году)³² дружба между этими двумя учеными мужами кончилась, и теперь Илья едва подает руку своему прежнему протеже. Ну, брат, и здорово же ты разделяешь своего коллегу! Едва ли он мог ожидать такой детальной проверки и обличения своих грехов! Нам, сторонним зрителям, приходится только удивляться твоей внимательности, настойчивости, трудолюбию и придирчивости: надобно же, ведь взять на себя проверку такого огромного труда на месте по первоисточникам! Слышу, слышу за каждой строчкой твоей критики и с нетерпением жду выводов и заключения, какими ты в конце концов разразишься по адресу избиваемого твоего противника... Но вот, не дальше, как на днях,

²⁹ Бердников Илья Степанович (1839–1915) — выпускник (1864) и ординарный профессор КазДА по кафедре церковного права; доктор богословия (1881).

³⁰ Дмитриевский А. А. Тайная исповедь в исследовании проф. А. И. Алмазова: (Критический этюд) // Труды Киевской духовной академии. 1897. № 11. С. 419–425; № 12. С. 623–638.

³¹ Нарбеков Василий Андреевич (1863 — после 1925) — выпускник Владимирской ДС (1883) и КазДА (1887).

Речь идет о рецензии на докторскую диссертацию А. А. Дмитриевского: *Нарбеков В.* [Рец.] // Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1896 г. Казань, 1897. С. 263–297.

³² Прокошев Павел Александрович (1868 — после 1922) — выпускник КазДА (1892); был оставлен профессорским стипендиатом при кафедре церковного права; преподавал в Вологодской ДС. В дальнейшем профессор церковного права Томского университета, доктор церковного права (1914).

Речь идет о магистерском диспуте П. А. Прокошева, состоявшемся 19 октября 1895 г.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

узнал я, что и твоя «докторская» удостоилась милостивого внимания такого авторитета, как Н[иколай] Фомич, который будто бы написал рецензию в «Византийском временнике» || и рассылает отдельные оттиски л. 10 по своим друзьям³³; посмотрим, что он написал, а теперь пока я слышал от Нарбекова, что рецензия написана очень сдержанно и деликатно. Ну, трудись, трудись на славу Божию и на пользу науки: ты ведь для науки и создан, не будучи связан никакими узами — ни Гамалея, ни комиссий, ни общества и т. п.

А я, многогрешный, «связан есмь воистину многими тяжкими узами во еже не возвести главы моя»³⁴. Еще не так давно питал я надежду, что, попривыкнув немножко к инспекторским обязанностям, наверно найду возможность поработать пером, и, как тебя известил, уже и начал было. Да нет, видно, человек предполагает, а Бог располагает: то, что намерен был написать и напечатать в 98-му году, дай Бог написать к 99-му...

Точно нарочно: сначала разразилась надо мной беда семейная, а потом взвалили на меня массу хлопот по Академии, отнявших у меня весь вакат. Дело вот в чем: с весны прошлого года довольно серьезно прихворнула моя благоверная; нервное расстройство, развившееся на почве малокровия, достигло таких размеров, что пришлось отправить ее на || кумыс л. 10 об. (в Уфимскую губ.), где она и прожила два летних месяца с Ю[лией] Никандровной. А я остался в Академии, так как о. ректор брал отпуск и жил в одном из монастырей Казанской епархии. Каково мне было жить одиноко-

³³ Красносельцев Николай Фомич (1845–1898) — выпускник (1870) и профессор КазДА по кафедре церковной археологии и литургики; с 1889 г. экстраординарный профессор церковной истории Новороссийского университета в Одессе; доктор церковной истории (1893).

Речь идет о рецензии: *Красносельцев Н. Ф.* [Рец. на]: Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. 1: Туллка. Ч. 1: Памятники патриарших уставов и ктиторские монастырские типиконы. Киев, 1895 // *Византийский временник*. Т. 4. 1897. С. 587–615.

³⁴ Неточно пересказанная цитата из «Молитвы Манассии, царя иудейского» — текста, включенного в библейские списки перевода LXX, а из него перешедшего в славянский и русский переводы; во 2 Пар 36, после 23 стиха: «(8) Слячен есмь многими узами железными, во еже не возвести главы моя, и несть ми ослабления: зане прогневах ярость Твою (9) и лукавое пред Тобою сотворих: не сотворивый воли Твоя и не сохранивый повелений Твоих, поставих мерзости и умножих претыкания».

В православном богослужении эта молитва читается в дни Великого поста на великом повечерии.

му? — можешь представить сам. Пришлось в первый раз после женитьбы разлучиться с супругой на столь продолжительный срок, притом томиться в неизвестности ее положения и исхода болезни... О, это было для меня настоящею пыткой, и я метался как угорелый!.. Между тем в Академии назначен был миссионерский съезд³⁵; нужно было спешить с ремонтом и приготовлениями к съезду, — дел было пропасть; начался съезд — хлопот и беспокойств прибыло: встречай начальство, принимай и устраивай членов съезда (а их было свыше 200 человек) и т. д.; потом провожай всех и вновь приводи Академию в порядок ко времени приезда студентов. Вот тут и занимайся ученой работой! Да тут не удавалось даже и прочитать почти ничего. Между тем вакат кончился; стали съезжаться студенты, значит, началась обычная работа по устройству их и наблюдению. Наконец, к сентябрю все по-видимому пришло в порядок: и супруга моя возвратилась в добром л. 11 здоровье, и студенты были устроены; || только бы приступить к делу, как вдруг скончался наш владыка Владимир, и назначена была хиротония нашего ректора, а вместе с тем возложено было на него управление епархией, а на меня — исполнение обязанностей ректора; хотя и. д. инспектора и был назначен Будрин³⁶, но фактически пришлось мне работать и за ректора, и за инспектора, ибо и. д. инспектора ездил в Академию только читать свои лекции. Так дело продолжалось до половины ноября, когда приехал к нам новый владыка, забравший почти все в свои руки и предоставивший своему викарию мало чего, так что он может свободно совмещать ректуру с викариатством и по-прежнему проводить все вечера со студентами... Так почти до самых Святков я был в горниле искушений и не знал покоя, ни днем, ни ночью, дрожа за порядок и спокойствие в Академии... Наконец, все миновало благополучно и я, вздохнув посвободнее, с нового года возвратился к своей, прерванной почти на год, работе и теперь иногда пописываю, хотя, к великому сожалению, часто отрывают меня разного рода делишки, то вол- л. 11 об. нующие и дающие сосредоточиться (а ты знаешь мой || характер: уж что делать, так делать, а то лучше все прочь!..), то требующие внимания, бдительности и хлопот. Не знаю, что делать, а хочется, очень хочется писать, пока энергия еще не прошла и материал собран в достаточном количестве. Если уж не для докторской, то, по крайней мере, так бы — попечататься,

³⁵ III Всероссийский миссионерский съезд, проходивший в Казани летом 1897 г.

³⁶ Будрин Евлампий Андреевич (1842–1919) — выпускник (1866) и профессор КазДА по кафедре догматического богословия; доктор богословия (1888).

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

а там, быть может, написавшись, царапнуть бы и на доктора, только, конечно, наперед оставивши инспекторство и уединившись куда-нибудь в уголок академической слободки... Думается, что на свободе можно бы написать, ибо другие пишут же и получают не только докторство, а даже и премии; право, при нашем нынешнем ректоре можно за грош приобрести и то, и другое, — так и тянет за уши всякого мало-мальски пишущего: Юнгеров — доктор, Несмелов — доктор не ныне, так завтра (за «Науку о человеке»), Благовидов — тоже (за «Обер-прокуроров»)³⁷; мало того: все они несомненно получают и премии по 600 руб. Вот как работают наши-то!.. А ты пишешь, что не нарождаются вновь могиканы в нашей Академии?!.. Только я да еще некие из старцев нашего времени сидят сложивши ручки и не видят того, что суют нам почти насильно. Вот за нас-то обидно. Ну да, авось, еще не все пропало...

Что еще написать тебе? Тебя и всю вашу Академию поздравляю с новым ректором и инспектором (только сегодня из письма Саблера нашему ректору узнали мы о новых переменах в Вашей и Московской Академиях³⁸); не долго, вероятно, высидит и наш ректор в Казани; а на его место (боимся) как бы не назначили Молчанова³⁹, которому, яко-

³⁷ Юнгеров Павел Александрович (1856–1921) — выпускник (1879) и профессор КазДА по кафедре Священного Писания Ветхого Завета; в 1897 г. получил степень доктора богословия (диссертация: «Книга пророка Амоса: Введение, перевод и объяснение. Казань, 1897»).

Несмелов Виктор Иванович (1863–1937) — выпускник (1887) и доцент КазДА по кафедре метафизики; в 1898 г. получил степень доктора богословия (диссертация: «Наука о человеке (Т. I: Опыт психологической истории и критики основных вопросов жизни. Казань, 1898»).

Благовидов Федор Васильевич (1865 — после 1911) — выпускник (1889) и доцент КазДА по кафедре русской гражданской истории; с 1900 г. доктор церковной истории (диссертация: «Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII и в первой половине XIX столетия» (Казань, 1899; 2-е, перераб., изд.: 1900)). В 1909 г. покинет КазДА и будет директором Тифлиских женских высших курсов.

³⁸ 5 марта 1898 г. был уволен от должности ректор КДА епископ Каневский Сильвестр (Малеванский), в тот же день на его место был назначен архимандрит Димитрий (Ковальницкий), с 28 июня епископ Чигиринский, викарий Киевской митрополии.

7 марта 1898 г. был уволен от должности ректор МДА архимандрит Лаврентий (Некрасов), 13 марта на его место был назначен архимандрит Арсений (Стадницкий), с 26 февраля 1899 г. епископ Волоколамский, викарий Московской митрополии.

³⁹ Алексей (Молчанов Алексей Васильевич; 1853–1914), архиепископ — выпускник Вятской ДС (1876), учитель начальной земской школы, псаломщик в Вятской епархии,

бы, обещано, по принятию им монашества, ректорство в которой-либо Академии.

В заключение два слова о 2-х твоих товарищах. А. В. Попов про-
л. 9 должна плодиться: недавно у него опять || приращение в семействе. А
какова кажется, на твой взгляд, его актовая речь, сопровождавшаяся
(необъяснимыми) довольно слышными аплодисментами студентов?..
Другой твой коллега Маврикий (ныне — Мефодий) был в Казани и го-
стил с неделю (проездом в Питер): довольно серьезный архиерей, хотя
очень некрасивый и несуразный; пить якобы перестал⁴⁰.

Ну, довольно. Теперь пиши ты; не мешало бы нам переписываться
почаще; пиши, я отвечать буду. Супруга моя тебе посылает низкий по-
клон и привет.

Твой неизменный протоиерей Н. Виноградов.

10 марта 1898 г.

заведующий сельским земским училищем. В 1883 г. женился, но поступил в КазДА, был рукоположен во священника к академической церкви; окончил академию (1887), с 1888 г. магистр богословия (дисс.: «Св. Киприан Карфагенский и его учение о Церкви»), с 1887 г. законоучитель казанских гимназий. В 1897 г. овдовел, в сентябре 1899 г. был пострижен в иночество и назначен ректором в Казанской ДС в сане архимандрита; 20 июля 1900 г. стал ректором КазДА, с 9 сентября в сане епископа Чистопольского, викария Казанской епархии. С 1905 г. епископ Таврический и Симферопольский, с 1910 г. Псковский и Порховский, с 1912 г. Тобольский и Сибирский, с 1913 г. экзарх Грузии, архиепископ Карталинский и Кахетинский.

⁴⁰ Однокурсники А. А. Дмитриевского по КазДА: Алексей Васильевич Попов и Маврикий Львович Герасимов.

Попов Алексей Васильевич (1856–1909) — выпускник Вятской ДС (1878) и КазДА (1882); по окончании академии и недолгого преподавания в родной Вятской ДС в 1883 г. был избран помощником инспектора КазДА; в том же 1883 г. магистр богословия, с 1884 г. доцент по кафедре пастырского богословия и педагогики, в 1890 г. перешел на освободившуюся кафедру теории словесности и истории иностранных литератур, в 1895 г. был избран экстраординарным профессором. С 1903 г. доктор богословия, с 1904 г. ординарный профессор.

Мефодий (Герасимов Маврикий Львович; 1856–1931), митрополит — выпускник Томской ДС (1878) и КазДА (1881; уволился после 3-го курса со званием «действительного студента»); служил в Алтайской духовной миссии, в 1885 г. приняв монашество и сан иеромонаха; в 1892 г. по особому ходатайству архимандрита Макария (Невского) был удостоен степени кандидата богословия; с 1893 г. начальник Алтайской миссии. С 1894 г. епископ Бийский, викарий Томской епархии; с 1898 г. епископ Забайкальский, с 1912 г. Томский и Алтайский, с 1914 г. Оренбургский, с 1918 г. архиепископ. В 1919 г. эмигрировал вместе с Белой армией, в 1922 г. возглавил новую Харбинскую епархию, с 1929 г. митрополит.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

№ 5 от 14 марта 1907 г. Казань. Л. 12–13 об.

Дорогой и любезнейший друг, Алексей Афанасьевич! л. 12
Сердечнейший привет с днем Ангела и пожелание тебе крепкого здоровья, благополучия и исполнения всех твоих благих намерений прими от меня и супруги моей.

Слышно, что с исполнением 25-летия по академической службе ты намерен перебраться из матери русских городов в северную столицу на пост секретаря Совета Палестинского общества. «Да исправит Господь стопы твоя!» Киевская Академия несомненно пожалеет об уходе талантливого, неутомимого и плодотворнейшего ученого профессора, заменить которого достойным преемником скоро едва ли ей удастся. Со стороны и нам до боли жаль || такого лишения в вашей Академии. Но мы л. 12 об. утешаемся той мыслью, что с уходом из Академии ты не бросишь своей излюбленной науки, будешь продолжать свою славную работу и не перестанешь дарить церковную археологическую и литургическую науку новыми ценными вкладами. Материала у тебя собрано, вероятно, еще не на один десяток лет работы. — А нам грешным приходится «тереть свою лямку» еще и еще. Тяжела ныне административная служба, — достается и сверху, и снизу; но что делать? Будем терпеть и ждать лучшего. Скоро ли, в самом деле, дадут нам что-нибудь определенное, выяснят и упрочат наши отношения к учащейся молодежи? Правда, в нашей Академии нет особенных нестроений, дела идут, по-видимому, гладко; но все же следовало бы кое-что выбросить и вымести, да и из студентов || (по-л. 13 жалуй, и из профессоров) кой-кого вышибить. Эти проклятые сходки, под именем «освободительного движения» получившие какое-то право гражданства, с дикими резолюциями и требованиями студентов вносят большую смуту и беспорядки и в учебном и в дисциплинарном отношении. Инспекторские и даже ректорские распоряжения совершенно игнорируются. Мало того: даже в Совет предъявляются ультиматумы, напр[имер], об отказе студентов писать проповеди, одно из семестровых сочинений, держать экзамены дважды по предметам, читаемым два года, и т. п. Хорошо, что Совет в этих случаях дает единодушный и твердый отпор. Но что вы будете делать против такого рода явлений, как систематическое уклонение от богослужений и молитв, шатание по ночам, прием посторонних лиц в номерах чуть не во всякое время дня и ночи, и т. п.? Тут всякое малейшее замечание || начальства вызывает л. 13 об.

целую бурю и жалобу студентов на стеснение их свободы и коллективное заявление о неприемлемости распоряжений начальства. Конечно, в этих случаях можно бы идти напролом и настаивать на своем, но можно ли так действовать, когда наперед знаешь, что в результате будет один скандал и создается прямая невозможность положения инспекции? Да что тебе говорить об этом, когда ты сам отлично знаешь, что значит стать на путь борьбы со студенчеством. Это значит: лучше уходить со службы. Пусть бы это так, но дело-то от этого ничего не выиграет. Вот и приходится терпеть, довольствуясь лишь тем, чего достигаешь мягкими и деликатными увещаниями и дружескими советами и просьбами. Еще можно бы кое-что поделаться, если бы была хотя какая-нибудь поддержка со стороны ближайшего начальства. Но наш владыка-ректор⁴¹ способен только все портить и разрушать, а созидать и устроить не может решительно ничего: потребует, накричит, пригрозит, а когда придет пора за это разделяться, спрячется в кусты от всего откажется (даже с клятвой: «видит Бог — не говорил...» и т. п.) и вся взвалит на других. Вот человек-то! Ты немало писал мне о нем, а теперь мы увидели в нем еще больше всякого рода дряни. Это положительно несносный человек, знающий только себя и свои личные интересы; грязный и беспорядочный в домашнем быту, грубый и крайне невыдержанный в обращении с другими, ленивейший и совершенно беспамятный, крайне непостоянный, сумасброд, каких мало; понятно, что при таких нравственных достоинствах он || давно уже потерял всякое доверие и авторитет; студенты его терпеть не могут; из профессоров с младшими он давно уже разошелся, а теперь отшатнулась от него и старшая партия ввиду его непостоянства и фальшивости. Казанское духовенство его прямо не выносит за его надменность и грубость, монахи от него бегут. Единственный человек, у которого он лижет руки и с которым всячески старается ладить, — это архиепископ⁴²; но не знаю, надолго ли.

Но довольно. Пиши, пожалуйста, если есть у тебя что нового.

Твой неизменный друг, протоиерей Н. Виноградов.

⁴¹ Алексей (Дородницын), епископ Чистопольский и ректор Казанской духовной академии (05.09.1905–17.01.1912).

⁴² Димитрий (Самбикин), архиепископ Казанский и Свияжский. Подробнее о нем см. прим. 7.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

№ 6 от 12 марта 1908 г. Казань. Л. 14–15 об.

Дорогой друг, Алексей Афанасьевич!

л. 14

От всего сердца я и Раиса Никандровна приветствуем тебя со днем твоего Ангела и желаем тебе на новом месте и в новой службе неизменного здоровья и таких же блестящих успехов, какими по всей справедливости ты стяжал себе неувядаемую славу и громкое имя своими научными трудами и профессорской деятельностью. Да поможет тебе Бог!

«Первое твое послание из хладного Питера» в декабре мною получено и не без утешения прочитано даже не один раз. Да, Киев сумел оценить тебя и воздать тебе по твоим заслугам: так теплы и торжественны были там твои проводы!.. Ну, да ведь поработал и ты там немало. Дай Бог всякому другому сделать столько и так, сколько и как сделано тобой за 25 лет. Конечно, твои труды, понесенные там, не умрут никогда. А я все-таки опять тебе повторю свое глубочайшее сожаление об оставлении тобой профессорской и ученой деятельности: при своей недюжинной голове и необычайной || энергии ты, без сомнения, мог бы еще много, л. 14 об. много поработать для академической науки. Не знаю, чем тебя прельстил Питер, уж не деньгами ли? Но ведь ты никогда не был сребролюбив и нужды твои, при отсутствии потомства, едва ли больше моих... Разве почет? Но едва ли Питер даст тебе его больше, чем Киев. Впрочем, что об этом толковать? Тебе самому это виднее и понятнее. — А что, вышло описание твоего юбилея и провод? Конечно, когда выйдет, не забудешь прислать нам. Потом, ты обещал прислать мне какие-то книжки для задачи по назначению; доселе я не получил ничего. Не потерялись ли? — По поводу твоего отзыва об «архиерейском доме» Покровского скажу тебе, что у нас эта книга ни в каком случае не прошла бы «на доктора», несмотря даже на всякие меропрятия со стороны П. В. Знаменского⁴³.

⁴³ Покровский Иван Михайлович (1865–1941) — выпускник (1895) и профессор КазДА по кафедре русской церковной истории; доктор церковной истории (1907).

Монография И. М. Покровского, представленная на соискание степени доктора церковной истории в Совет КДА: «Казанский архиерейский дом, его средства и штаты, преимущественно до 1764 г. Церковно-археологическое, историческое и экономическое исследование. Казань, 1906» с дополнительным очерком «Средства и штаты архиерейских домов со времени Петра I до учреждения духовных штатов в 1764 г.». Автор получил искомую степень доктора, несмотря на критический отзыв одного из рецензентов — А. А. Дмитриевского (см.: [Отзыв на книгу И. М. Покровского «Казанский архиерейский дом, его средства и штаты преимущественно до 1764 г. Казань, 1906»] //

Удивляемся, как это вы дали докторство, разделив книгу — что называется — «под орех»? Объясняем «стараниями Знаменского и вашего Голубева». А жаль, что вы пропустили эту дрянь под какими бы то ни было предложениями. Работы-то Покровского, конечно, не завидны; но и сам-то он, как человек, прескверный и в нашей корпорации едва терпимый; прегордый, заносчивый, грубый и дерзкий, крайне искательный и при этом не гнушающийся никакими средствами, сплетник, каких мало; человек весьма неблагодарный; и вот посмотрим, что он сделает, когда прочитает ваши рецензии. Пользуясь близостью к Знаменским, он по-
л. 15 старался всячески || поссорить их с Академией (тут очень помогала ему и достойная его супруга, — мещанка и баба-сплетница и совсем неразборчивая в средствах); покойная Антонина Мих[айловна] до того была зла на Академию, что и глаз в нее не казала и всех ругала дураками⁴⁴. И П[етр] Васильевич, вполне поддавшийся Покровским, теперь потерял уже почти всякую симпатию к своей *Almae Matri*. Этого мало. Как ученый и близкий к архиепископу Димитрию человек, Покровский и его успел вооружить против Академии, наговорив ему всякой всячины. Но довольно об этом. Поговорим об Академии.

Хвалиться состоянием нашей Академии под «глупым водительством» нашего ректора не приходится. Сей бурбон ухитрился вооружить против себя всю Академию — и профессоров, и студентов, — так что теперь, несмотря на партийность, все сходятся в одном общем желании: как можно скорее «проводить» куда-нибудь «ненавистного Алексия». Понимает это и сам он и ужасно тяготится своим положением, но что поделаешь, когда его никуда не берут! Несчастлива наша Академия от его дикого характера, но не счастливее будет и епархия, на какую он угодит. В самом деле, ведь груб он, как мужик, непостоянен, как ветер, бессовестен и бесчестен до невозможности. Старики-профессора совершенно уже отвернулись от него, молодые только ссорятся с ним и редкий Совет проходит без стычек и брани; студенты потеряли к нему всякое до-
л. 15 об. верие. Да, и действительно, || какое тут доверие может быть, когда он постоянно отрекается от своих слов и вынудил всех, кто его знает, во всем

Извлечения из журналов Совета Императорской Киевской духовной академии за 1907/08 уч. г. Киев, 1908. С. 177–190).

⁴⁴ Знаменская Антонина Михайловна († 14.02.1906) — супруга П. В. Знаменского (см.: Некролог // Казанский телеграф. 15 февраля 1906. № 3912).

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

брать от него письменные документы. Да и это никогда не помогает. Ведь хватило же у него совести учинить на диспуте Дьяконова такую вещь: не читая, он пропустил к произнесению речь диспутанта, а когда эта речь оказалась слишком резкою и Совет потребовал по поводу ее объяснений от ректора, последний заявил, что он выпустил резкие места речи, а диспутант прочел их самовольно; на самом же деле ничего этого не было, а пробовал выйти сухим из воды; сам владыка отобрал речь у диспутанта после диспута, разметил ее, как ему было угодно⁴⁵. «Колокол»⁴⁶ был прав, как в этом случае, так и в истории «выражения сочувствия редакторам упраздненной «Ц[ерковно]-общ[ественной] жизни»⁴⁷, хотя наш владыка страха ради и отмежевался пред обер-прокурором Синода. Придирки и гонения за последнее время обрушились со стороны ректора и на инспекцию. Требования и распоряжения предъявляются просто невыносимые, а когда дело доходит до неприятностей, от всего отказывается. В Совете 1 июня он выступил даже с жалобой на инспекцию, что она распустила студентов (это в смутное-то время, когда начальство ничего не могло поделать не только в высших, но и в средних заведениях!..) и ничего ему не доносит. Пришлось с документами в руках и фактами доказывать несправедливость жалобы и заставить расходившегося владыку взять жалобу назад. Недавно повторилась такая же история в профессорской комнате: и тут пришлось уличать его во лжи и некорректности его действий его же документами и свидетельскими показаниями. Раз начались стычки и враждебные отношения у меня с этим бурбоном, сам понимаешь, каково теперь мое положение. Я терпелив, и действительно долго терпел всякие козни и оскорбления, но ведь и терпению бывает предел. Если не

⁴⁵ Дьяконов Константин Петрович (1876 — после 1924) — выпускник Ярославской ДС (1897) и КазДА (1901); по окончании академии преподавал в Хреновской церковно-учительской школе, затем в Казанской ДС. После революции преподавал в Казанском соединенном промышленном училище. В 1924 г. арестован и приговорен к трем годам лишения права проживания в 5 крупных городах.

Речь идет о защите К. П. Дьяконовым магистерской диссертации «Духовные школы в царствование императора Николая I» (Сергиев Посад, 1907), которая состоялась 20 декабря 1907 г.

⁴⁶ «Колокол» — ежедневная газета, издававшаяся в Петербурге (Петрограде) в 1905–1917 гг.

⁴⁷ «Церковно-общественная жизнь» — еженедельный журнал, издававшийся при КазДА в 1905–1907 гг. Редакцию составляли профессора академии: Л. И. Писарев, протоиерей А. В. Смирнов, М. А. Машанов, К. Г. Григорьев.

л. 14 а уберут скоро нашего ректора, думаю, лучше сложить с себя инспектуру, а то убьешь и последнее-то || здоровье. Боюсь только одного: попадет инспектура, вероятно, одному из либералов — противников дисциплины, и тогда прощай всякий порядок в Академии. Утешают меня и профессора, и студенты своим сочувствием, и это меня пока поддерживает. Впрочем, наш «Алексий» чинит неприятности не мне одному, и не одной Академии. Все духовенство в Казани просто ненавидит его. Оба викария⁴⁸ — особенно Андрей — не знают, как с ним жить: во всем им перечит и всячески унижает. Соблазн большой, когда ссорятся архиереи. А наш архиепископ серьезно заболел (воспалением) и едва ли встанет. Жаль старца!

Ну, пока прощай. Преданный тебе твой друг протоиерей Н. Виноградов.

№ 7 от 12 марта 1909 г. Казань. Л. 16–17 об.

л. 16 Любезнейший и дорогой Алексей Афанасьевич! Накрепко-дружеский привет со днем твоего Ангела и задушевное пожелание здоровья, благополучия и всяких милостей от Бога шлем тебе я и Раиса Никандровна. Лавры да украшают тебя и в дальнейшем пути шествия твоего по обширному полю научной и церковно-общественной деятельности!..

А мне, смиренному и неключимому рабу, подобает, видимо, уже «малиться». Насколько радостно, бодряще и утешительно для меня было твое дружеское письмо «к 6-му декабря», настолько печально, скорбно несимпатично мое настоящее к тебе «именинное» послание. Прости, ради Бога, что под влиянием переживаемого унижения и подавленного настроения пишу и тебе мою «ламентацию». Ведь «у кого что болит, тот про то и говорит». Впрочем, ты, наверное, по дружескому мне сочувствию, немало также заинтересован моей судьбой, и теперь, когда там, в Питере пред твоими глазами треплют родную нашу Академию, и в частности твоего «старого приятеля», болеешь сердцем, недоумеваешь, как все сие могло случиться, и поняв дело, если бы представилась возможность, помог в беде. ||

⁴⁸ Кроме преосвященного ректора КазДА — епископа Чистопольского Алексия (Дородницына; 1905–1912) — викариями Казанской епархии в 1908 г. были: епископ Чебоксарский Михаил (Богданов; 1907–1914) и епископ Мамадышский Андрей (Ухтомский; 1907–1911).

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

Не знаю в подлинности всего, что делается в Синоде относительно нашей Академии, — ни от кого не получал ни строчки, а другие члены нашей корпорации, осчастливленные доставлением сведений путем частных писем, таинственно молчат и лишь немного что открывают своим коллегам. Но в газетах уже «пронесли яко зло» имена некоторых профессоров, в том числе и меня, причем мне будто бы Синодом решено «поставить на вид неаккуратное исполнение прямых обязанностей относительно лекций». Вот уж чего я никак не ожидал! Мне бы очень хотелось знать мотивы такого постановления, представленные, конечно, ревизором преосв[ященным] Арсением⁴⁹. Лекций я не пропустил буквально ни одной за все время службы; работал и по языку, и по его литературе столько, сколько мог. Ревизор был у меня только на одной лекции, — по языку; и лекция, по моему собственному сознанию, была сказана с одушевлением и составлена по всем новейшим комментариям; на литературе почему-то он не счел нужным у меня быть. Откуда и чем быть недовольным моими лекциями? — решительно недоумеваю. Предполагаю одно: в заблуждение могла ввести ревизора представленная мною программа — та самая, которую я даю студентам для подготовки к экзаменам, она составлена по книге «Лекций Модестова»⁵⁰ в видах облегчения студентам подготовки, о чем мною и сказано было в примечании к представленной ревизору программе. Преосв[ященный] ревизор, конечно, мог подумать, что я по этой книге и читаю лекции, не имея своего собственного курса лекций и своей программы. Если это так, то приходится констатировать печальное и в высшей степени досадное недоразумение. А я || лично был введен в заблуждение — вместе с некоторыми и другими профессорами — нашим ректором, который на наш запрос: какие представлять программы ревизору? — пространные — конспективные, или короткие — ответил: «давайте те, которые представляются на экзамен и идут в Совет». Что теперь делать? Хотел было я писать преосв[ященному] Арсению, но счел неудобным, пот[ому] что не знаю, эта ли действительно указана им вина за мной, а потом едва ли было бы удобным делать ему запрос на основании только «газетных известий». Если же действительно мотив моей неаккуратности в лекци-

⁴⁹ Речь идет о ревизии КазДА, проведенной архиепископом Арсением (Стадницким).

⁵⁰ Модестов В. И. Лекции по истории римской литературы, читанные в Киевском и С.-Петербургском университетах. СПб., 1888.

ях выставлен этот, то я готов в свое оправдание и для разъяснения дела представить не только свою собственную программу, но и самые лекции. А хотелось бы мне снять с себя выставленное против меня тяжкое обвинение и — не только в видах собственного личного успокоения, но и в интересах вообще академических; ведь сообрази, братец, каким соблазном должно быть это обвинение для студентов: тот, кто должен быть примером аккуратности в лекциях, обвиняется в нарушении «прямых обязанностей»!.. Конечно, авторитет будет в корне подорван. И ничего хорошего уже не жди. А ведь студенты только того и ждут, как бы на что-либо опереться в оправдании своих неаккуратностей. Вот о чем я теперь скорблю и тужу, опустив свою голову.

Не знаю, что ждет меня еще по части «инспекторской». Никто ничего не пишет... Хотя бы ты, А[лексей] Афанасьевич, по старой дружбе, черкнул мне, что тебе известно. Ведь ты теперь — у самого источника л. 17 об. синодских деяний и, конечно, осведомлен точно о || всех состоявшихся или предполагаемых постановлениях. Удели же мне несколько минут твоего драгоценного времени. Как ни благополучно сошла ревизия нашей Академии в воспитательном отношении, однако и в том отношении приходится ждать «только одних замечаний и выговоров». Если студенты выдержали себя за время ревизии, то ведь в счет будут нам поставлять лихие времена «освободительного движения» с отголосками их до последнего времени. Но тут уже приходится отвечать не за свою вину, а за время и обстоятельства, против которых не только инспекторская, но и всякая власть оказалась бессильной. Конечно, и тут нам будут «ставить на вид» и бездействие, и слабость, и снисходительность и проч., но справедливо ли — это другой вопрос. Чтобы иметь в этом отношении справедливые суждения, нужно было непременно быть свидетелями того, что происходило в академиях в годы «освободительного движения». Тогда приходилось заботиться лишь о том, чтобы самому остаться живым и Академию сберечь от полного закрытия, быть может, навсегда. И я лично, без преувеличения скажу, сделал все, чтобы достигнуть того и другого. Вот когда оказалась особая нужда в «терпении» и «осторожности». Богу одному известно, что только я тогда не вытерпел и от оголтевших студентов, и от профессоров-либералов, и однако ж не дал ни малейшего повода к обвинению меня в резких или несправедливых отношениях к кому-либо. Самую лучшею для меня наградой было

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

признание и со стороны студентов, и со стороны профессоров, что я «вынес на себе всю Академию». Теперь пусть судят меня, как хотят, а я останусь навсегда при своем глубоком убеждении, что сделал для своей Академии все, что только мог, если же что допустил с теперешней точки зрения «незаконное», то уступая лишь силе времени и обстоятельств. Не удивлюсь, если и буду осужден: после войны ведь легче судить героев, чем в то время, когда они грудь свою подставляют под пули... Может быть, «поставят на вид» || некоторые и теперешние недочеты у студентов, но ведь угар проходит не скоро, — отголоски «освободительного угара», конечно, есть и сейчас, но уже слабые и — Бог даст! — скоро исчезнут, особенно если высшая власть твердо поведет дело оздоровления Академий и поддержит нас в урегулировании академической жизни. л. 16

Но довольно. Всего не напишешь. Надобно говорить долго. Приезжай, друг, летом к нам в Казань, и тогда наговоримся досыта. А теперь до свидания.

Глубоко преданный тебе твой старый друг протоиерей Н. Виноградов.

№ 8 [Пасха 1909 г.; между 29 марта и 6 мая] Казань. Л. 56–57 об.

Любезнейший и дорогой друг, Алексей Афанасьевич! л. 56
Взаимно приветствую тебя со Светлым Христовым праздником и от всего любящего сердца желаю тебе нескончаемых светлых радостей в твоей жизни и плодотворной деятельности.

Не знаю, как тебя благодарить за твою любезность — скорое утешение в постигшей меня неудаче. Благодаря точному сообщению нужных мне сведений по ревизорскому отчету, я уже теперь не в темном лесу, а представляю все дело с достаточной ясностью. Синодское постановление (если оно действительно состоялось) касательно || замечания л. 56 об. мне по поводу «неаккуратного исполнения мною прямых обязанностей», очевидно, имеет в виду мои «инспекторские» обязанности, а не профессорские, ибо в отношении к последним, как видно, ревизор ограничился выражением лишь своего взгляда на дело постановки древних языков в Академии вообще, — взгляда отнюдь не обязательного, пока не будет изменено положение дел в Академии высшей властью; теперь же как, напр., я могу совсем не читать истории римской литературы, а заниматься только чтением со студентами святоотеческих творений, когда

мне при поступлении на кафедру лат[инского] языка дана программа л. 57 совсем другого рода? При том мнение ревизора еще подлежит || оспариванию, ибо кто бы с ним согласился из людей, специально занимающихся классическими языками? Допустить его — значит, обречь наших студентов почти на полное невежество в языкознании. Разве можно понимать язык, не имея понятия об его литературе? И разве можно читать правильно свв. отцов, не искусившись в чтении классических писателей? Потом откуда это взял ревизор, что я читаю две лекции недельных по литературе и одну — по языку? Ведь ему только было сказано, что я читаю на двух курсах по одной лекции на каждом из них по литературе и по одной — по языку. Напрасно он, побывав у меня только на одной лекции по языку, совсем не поинтересовался лекциями по литературе; тогда бы он увидел, в чем дело, а также убедился бы в том, какого сорта л. 57 об. лекции читаются || по литературе и как они необходимы для уяснения самого языка, представляющего столько различий у разных классических писателей. Ну да об этом что теперь толковать? Остается только жалеть по поводу слишком поверхностного отношения ревизора к моему предмету и лекциям. Как бы то ни было, Синод, я полагаю, едва ли на основании высказанного ревизором личного сомнения мог заключить о «неаккуратном исполнении мною прямых обязанностей» по профессуре. Очевидно, замечание его относится к инспектуре. Но и здесь уже ли мои прямые обязанности заключаются только в том, чтобы я стоял за богослужениями со студентами (2-е замечание ревизора о несоответствии будто бы записей в журнале с действительностью — простое недоразумение, разъясненное нами ему на месте?). Потом, зачем ему понадобилось переиначивать мои объяснения по этому вопросу? Ведь я говорил ему, что почитаю «неудобным» стоять за богослужением со студентами потому, что служу каждый праздник и воскресенье и, следовательно, должен готовиться к служению. Какое же может быть приготовление к служению Литургии среди студентов, постоянно то приходящих, то уходящих, притом требующих внимательного наблюдения и сведений об отсутствующих в церкви и т. п.? Да и педагогически, коли студенты будут отлично знать, в чем проходит у инспектора в церкви приготовление к службе?.. Нет, не на это следовало бы обратить ревизору внимание, а на нечто другое — более серьезное. Ему следовало бы расследовать, какие меры я принимаю к упорядочению студентов || в раз- л. 56

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

ных отношениях? И вот тут-то он бы узнал, что я обо всем докладывал ректору и просил его прибегнуть к тем или другим мерам. А наш ректор не хотел пальцем двинуть, напротив, от трусости перед студентами постоянно уступал им и был всегда крайне неустойчив и непостоянен. Да что о нем говорить, когда он ни разу не бывал у студентов в номерах, в столовой и т. п.? Теперь же, очевидно, все свалил на меня и нажаловался на меня ревизору, а сей, не разобравшись, признал меня «небрежным»! Ведь это же ни на что не похоже. Ну, об этом еще поговорим с тобой, а говорить тут нужно много и долго. А теперь это не совсем к месту.

В июне, вероятно, будешь ты дома. Если Раиса Никандровна и поедет жить на дачу, то недалеко от Казани. Милости просим к нам — будем рады видеть тебя с твоею «благоверной» у себя. За книги благодарю. Посланное тобою раздал по назначению.

Пока довольно. До крайности недосуг — писал второпях, прости. Преданный тебе твой друг протоиерей Н. Виноградов.

№ 9 от 14 сентября 1909 г. Казань. Л. 18–19 об.

Любезнейший и дорогой Алексей Афанасьевич!

л. 18

Позволь, прежде всего, принести тебе и дражайшей твоей половине — очаровательнейшей Анастасии Ивановне — глубочайшую благодарность за любезное поздравление моей «благоверной» 5-го сентября⁵¹. Хотелось тотчас же послать вам ответную телеграмму, но, ввиду твердого намерения в скором времени писать тебе письмо, я отложил исполнение своего желания. Между тем дела, и дела неотложные, день за день отвлекали меня от письма, и я только сейчас взялся за перо, чтобы написать тебе.

Возвращаюсь к моменту прощания с вами у нас. Да, ты был прав в том, что на пристани я уже вас || не застаю и увижу только дымок пара- л. 18 об. хода: я приехал на пристань, когда только что отвалил «Любимовский», на котором вы, без сомнения, уехали. Но ведь вы хотели ехать на «Меркурьевском», а он пришел лишь ½ часа спустя после вашего отбытия⁵².

⁵¹ Память святой мученицы Ираиды (Раисы) Александрийской († ок. 308 г.), празднуемая 5/18 сентября.

⁵² Пароходство Любимовых, основанное пермским коммерсантом И. Ф. Любимовым (1806–1864), развитое его сыном И. И. Любимовым (1838–1899), а после его кончины — его наследниками.

Пароходное общество «Кавказ и Меркурий», образованное в 1858 г. по инициативе

Значит, и я был прав в моем соображении заставить вас, еще раз взглянуть на вас и потом уже проститься. Вся вина в твоей торопливости и беспокойстве и недоверчивости к уверениям других. Твоя супруга оказалась спокойнее и в данном случае корректнее тебя. Не знаем, что с вами было дальше, — как вы путешествовали до Москвы, каковы были проводы в Тироль, как и долго ли продолжалось твое «соломенное вдовство», и т. д. Только от Егорова вместе с поклоном от тебя я получил сведения о твоем возвращении в Петербург. Бедняга Егоров и по сие время без места⁵³.

л. 19 Не знаю, || поступит ли по моей рекомендации преподавателем в Епархиальное Елабужское женское училище?

Мы, возвратившись с дачи 11-го августа, окунулись в свою обычную трудовую жизнь. Раиса Ник[андровна] возится со своей «воскресной школой», записалась на женские курсы, работает в разных «бедных» приютах и т. п.; а богословские курсы опять-таки не открыты. Наш ректор решительно воспротивился и не дозволил профессорам читать на курсах лекции; дело сдано архиепископом в комиссию, а эта, по всей вероятности, похоронит еще не родившиеся курсы. Впрочем, некая искра надежды еще есть: только уберут куда-нибудь нашего бурсака, и тогда профессора вздохнут свободнее. Слухи идут из Петербурга, что наш Алексей — первый кандидат на имеющую открыться кафедру; уже готов и проект передвижения: Новгородский Гурий — на покой, на его место — Антоний Волинский, на Волян — Николай Варшавский, в Варшаву — Арсений Псковский, а в Псков — Алексей Чистопольский⁵⁴; не

Н. А. Новосельского путем слияния волжского речного общества «Меркурий» и каспийского морского «Кавказ».

⁵³ Егоров Николай Андреевич — выпускник Курской ДС (1894) и КазДА (1898; XXXIX курс).

⁵⁴ Гурий (Охотин Николай Васильевич; 1828–1912), архиепископ Новгородский и Старорусский (1900–1910), с 1910 г. на покое.

Антоний (Храповицкий), епископ Волинский и Житомирский (1902–1914), с 1906 г. архиепископ; с 1914 г. архиепископ Харьковский и Ахтырский, с 1917 г. митрополит; с 1918 г. митрополит Киевский и Галицкий; с 1921 г. в эмиграции, возглавлял Русскую Православную Церковь Заграницей.

Николай (Зиоров Михаил Захарович; 1851–1915), архиепископ Варшавский и Привисленский (1908–1915).

Арсений (Стадницкий Авксентий Георгиевич; 1862–1936), епископ Псковский и Порховский (1903–1910), с 1907 г. архиепископ; с 1910 г. архиепископ Новгородский и Старорусский, с 1917 г. митрополит; с 1933 г. митрополит Ташкентский и Туркестанский.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

приискав только еще никого на место ректора нашей Академии (за назначением Феодора — в Московскую⁵⁵). Есть ли тут какая-нибудь доля правды — тебе больше известно, чем нам — казанцам. ||

Начавшийся учебный год всем в Академии дал довольно работы: у л. 19 об. большинства профессоров прибавилось лекций, при усилении контроля со стороны начальства; о студентах и говорить нечего: заставили и на лекции ходить, и сочинения писать, и дисциплину соблюдать. И, слава Богу, пока дело налаживается и идет спокойно и в порядке. Синодальный указ возымел свое действие, — заставил всех стать на свое место и работать⁵⁶. Инспекции, конечно, достается трудненько, но что же делать? Мы уже безропотно несем свое иго, только бы Бог благословил дело наше успехом и водворил в Академии безмятежие, мир и благочестие. Порядки, при поддержке свыше, вводить можно, только нужна бдительность и настойчивость. «Три изгнанника» — профессора подчинились приказу беспрекословно (впрочем, Благовидов и Потехин ездили в Петербург хлопотать и, конечно, ничего не выехали)⁵⁷. Теперь дано движение делу о их пенсиях: на днях появится ходатайство о назначении им полных пенсий, но не знаем, дадут ли, ввиду нехватки у них нескольких месяцев службы. Лекции их поделены между наличными профессорами, причем лекции по русской гражд[анской] истории взялся читать Покровский, — и это тот самый, который не имеет порядочных лекций по своей-то церковной истории и который никогда не слышал русской гражд[анской] истории, так как был студентом словесной группы. Мало того, ему дозволено читать вместо 4-х 3 лекции и к экзамену давать студентам не свои лекции, а готовые книги. Вот что значит быть рецензентом «докторской» ректора!..

⁵⁵ Феодор (Поздеевский Александр Васильевич; 1876–1937) — выпускник КазДА (1902), назначенный 19 августа 1909 г. ректором МДА, а 21 августа — епископом Волоколамским, викарием Московской митрополии.

⁵⁶ Указ Святейшего Синода от 18 июня 1909 г., предписывавший Советам духовных академий ряд мер по улучшению организационной, учебной и воспитательной деятельности (см.: Журналы заседаний Совета МДА за 1909 г. Сергиев Посад, 1910. С. 219–230).

⁵⁷ Указом Синода от 18 июня 1909 г. ряду профессоров духовных академий, получивших по тем или иным причинам неблагоприятные отзывы в отчетах ревизоров, было предложено в месячный срок подать прошения об увольнении от службы. Из КазДА в этот список вошли ординарный профессор Ф. В. Благовидов и экстраординарные профессора священник Иоанн Попов и А. Н. Потехин.

Не менее незаконны действия нашего ректора по отношению к другому его рецензенту — Н. И. Ивановскому. Указом Св[ятейшего] Синода Ивановскому и Богословскому, как прослужившим свыше 30 лет, воспрещено далее состоять членами Правления. Невзирая на это, наш || л. 18 ректор — тот самый, который раньше постоянно твердил о незаконном занятии членства в Правлении Ивановским и который, вероятно, сообщил об том ревизору, — сначала единолично, а потом настоял и в Совете возбудить ходатайство об оставлении Иван[овско]го и Бог[ослов]ского членами Правления хотя до 1 янв[аря] 1910 г. А в других случаях он настаивает ни на йоту не отступить от Устава и указов. Что же Совет? — конечно, молчит пред грозным и властным владыкой.

Но пока довольно! Буду ждать от тебя письма с новостями. А теперь прости! Нижайший поклон и глубокая благодарность тебе и любезнейшей Анастасии Ив[ановне] от Раисы Никандровны и от меня.

Твой неизменный друг, протоиерей Н. Виноградов.

№ 10 от 12 января 1910 г. Казань. Л. 20–21 об.

л. 20

Дорогой и любезнейший Алексей Афанасьевич!

Думаю, что ты уже достиг и обитаешь во св. граде Иерусалиме. Посему пишу тебе туда, пишу не скоро, так как, по словам Ив. Ив. Спасского (?), ты по пути на Восток хотел кое-где остановиться и погостить. Прежде чем приступить к делу, хочу несколько пред тобой оправдаться в моем молчании в течение ноября, когда я всеми силами порывался написать тебе по поводу кончины А. В. Попова⁵⁸. Я был введен в заблуждение письмом Жузе (вероятно, тебе известного нашего практиканта арабского языка)⁵⁹, который в то время из Иерусалима написал мне, что тебя ждут на Востоке в качестве грозного ревизора в половине ноября; я и вообразил, что тебя в Петербурге числа с 10-го ноября уже нет. Только Ив. Ив. Спасский вывел меня из заблуждения⁶⁰, и я собрался было на-

⁵⁸ А. В. Попов скончался 9 ноября 1909 г.

⁵⁹ Жузе Пантелеимон Крестович (1870–1942) — араб по происхождению, присланный из Сирии в Россию для получения богословского образования; окончил три курса в МДА (1895), выпускник КазДА (1896); практикант при кафедре арабского языка и истории и обличения магометанства.

⁶⁰ Спасский Иван Иванович — выпускник КазДА (1886); деятель ИППО, после революции остался в Палестине, в 1926 г. переехал в Америку.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

писать тебе, но подумавши: о чем буду писать и зачем, когда к тебе из Казани ехал Спасский, заручившийся сведениями по всем частям и, в частности, об обстоятельствах смерти А. В. Попова? — я отложил свое намерение до первого удобного случая. 8-го декабря получил я твое поздравительное письмо, за которое приношу тебе глубокую благодарность и, узнав о твоем скором отъезде из || Петербурга, решил уже л. 20 об. писать письмо на Восток. Итак, оставь свои претензии на меня, если таковые у тебя, по словам Спасского, были.

Теперь к делу. Ты просил меня написать тебе поподробнее об А. В. Попове? Постараюсь сообщить тебе все, что мне известно.

Из Анапы А[лексей] В[асильевич] вернулся в самом конце сентября, несколько поправившись, но ненадолго. Чтение лекций — да еще с прибавкой одной новой — скоро его утомило, и он в половине октября заболел весьма уже серьезно: 14 октября, когда он, после 2-х лекций и с именин о. Н. А. Сердобольского⁶¹, вернулся домой, с ним случился сердечный припадок, осложнившийся еще грудной жабой, — тут он едва не умер. Кое-как бедного отходили. И в Анапе, и в Казани ему советовали оставить службу; но он не соглашался подавать в отставку из опасения лишиться полной пенсии. Даже после ужасного припадка, когда его уверяли и даже показывали письмо митроп[олита] Антония с обещанием исходатайствования полной пенсии, больной не решался подать прошение, а лишь на всякий случай дал на белом листе свою подпись и плакал, когда ему кто-либо говорил об отставке (так ему хотелось еще жить и служить!..) Однако ж в виду скорой катастрофы без его ведома белый лист был заполнен прошением об отставке, которое 5-го ноября заслушано в Совете, и начато дело о пенсии. Но пока врачебное отделение собиралось освидетельствовать больного, он 9-го ноября в || 3 ч. утра скончался в ужасных мучениях и со страшным криком. Нуж- л. 21 но заметить, что болезнь А[лексея] В[асильевича], сопровождавшаяся страшными болями и страданиями, сильно измучила и истерзала всю его семью, не знавшую покоя 3 недели ни днем, ни ночью; поэтому со смертью его и жена, и дети его почувствовали себя как-то легче и спо-

⁶¹ Сердобольский Николай Александрович (1856 — после 1918), протоиерей — выпускник Казанской ДС (1878) и КазДА (1881; XXIII курс; вышел после 3 курса в звании действительного студента). Служил священником в казанском Варваринском храме (1885–1918). Именины 14 октября (27 октября по н. ст.) — память преподобного Николы Святоши, князя Черниговского, Печерского чудотворца, в Ближних пещерах (1143 г.).

койнее. Утром 9-го ноября, в похмелье после своего праздника, все профессора и студенты поражены были известием о смерти А[лексея] В[асильевича], хотя и не неожиданным. Сочувствие к почившему было общее и весьма большое. Начались, конечно, хлопоты, молитвы и приготовления к погребению усопшего; все старались чем-либо помочь и выразить свое сочувствие осиротевшей семье. И на дому, и в церкви, и на кладбище, — везде видно было у всех неподдельное и теплое участие в почившем. Погребение было торжественное. Наговорено было немало речей, и профессорами (впрочем, только двумя — Царевским и Никольским⁶²), и студентами. Замечательно при этом, что А[лексей] В[асильевич] был охарактеризован и расхвален почти исключительно, как добрый, отзывчивый, прекрасный и глубокий человек, но весьма мало было сказано о нем, как ученом, и о его ученой и профессорской деятельности: очевидно, затруднились найти и указать особенные заслуги и характерные черты в этой его деятельности. Это затруднение уже со всею ясностью обнаружилось, когда зашла речь о составлении некролога А[лексея] В[асильевича]. Из профессоров никто не взялся писать его, прямо заявляя, что об А[лексее] В[асильевиче], как о человеке, писать легко, но как о профессоре — весьма трудно; можно, конечно, л. 21 об. кое-что написать об его || литературных трудах, но о профессуре ровно ничего не могут сказать даже ближайшие слушатели его лекций по теории словесности и истории иностранных литератур, не говоря уже о педагогике и пастырском богословии. Да и сам почивший А[лексей] В[асильевич] не раз, будто бы, признавался, что по теории словесности он может еще кое-что сделать, но по другой науке — ничего; читал же он — кого ни спросить, все время только «о прекрасном». Между тем, материала, по словам его приближенных, у него собраны целые вороха; видимо, он собирался еще немало работать для своей науки, но увы! — смерть помешала... Средств после себя А[лексей] В[асильевич] не оставил ровно никаких. Говоря просто — нечем было ему и похорониться;

⁶² Царевский Алексей Александрович (1855 — после 1925) — выпускник (1878) и профессор КазДА по кафедре русского языка и словесности; доктор богословия (1899). Никольский Николай Васильевич (1878–1961) — выпускник КазДА (1903), преподаватель чувашского языка, истории и этнографии чувашей на миссионерских курсах при академии (чуваш по происхождению). В дальнейшем профессор Казанского университета, Восточного педагогического института, Марийского педагогического института, доктор исторических наук, этнограф.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

мало того — у некоторых членов его семьи не оказалось даже достаточного теплого платья и обуви. Профессорская корпорация пришла на помощь, выдав бедной вдове пособие из Мих[аило]-Архангельского попечительства 100 р. И устроил подписку на 100 р., да П. В. Знаменский дал 50 р. Теперь идет дело о пенсии: хлопчем о полной в 3000 р. (за 30 лет службы, хотя 3-х лет не хватает), но неизвестно пока — дадут ли. Положение сирот вообще незавидное: старшая дочка — Александра, хотя и просватана за ныне окончившего у нас курс, но жених едва ли уже не впопятную, — писать пишет, но в Казань из Харькова не едет, несмотря на вызовы О[льги] Ивановны. Невеста серьезно расхворалась и, по уверению врачей, ее сильное нервное расстройство может пройти лишь при условии благополучного исхода брачного дела, в противном случае грозит смертельная опасность. Другая дочка, испросив у умиравшего отца благословение на монашество, собралась в монастырь; сын — Кирилл, студ[ент] университета, болеет ревматизмом и, кажется, должен еще на год остаться в университете. Вот все, что могу сообщить тебе о Попове.

Других новостей у нас пока, кажется, нет. И. Ст. Бердников привез нам, кажется, все, что только делалось в Комиссии и Подкомиссии по составлению Устава⁶³. Теперь мы услаждаемся чтением этих работ. Конечно, и теперь || отчасти можно судить о предстоящей реформе в л. 20 Академии, но окончательно и определенно можно будет говорить лишь после синодальных определений, о коих сейчас нам еще неизвестно. Наш ректор 6-го января уехал в Петербург на совещание по вопросу о положении мусульманства в Приволжье.

От души желаю тебе успехов в трудном и ответственном деле ревизии. Раиса Никандровна тебе низко кланяется. Наш нижайший поклон очаровательной и незабвенной Анастасии Ивановне. Часто и с удовольствием вспоминаем о вас.

Твой искренний друг и почитатель протоиерей Н. Виноградов.

⁶³ Речь идет о работе Комиссии по составлению нового Устава духовных академий, созданной в Петербурге по указу императора от 3 марта 1909 г. и работавшей, с перерывом на летние каникулы, на протяжении всего 1909 г. В состав комиссии было вызвано по одному представителю от каждой академии, от КазДА — И. С. Бердников.

№ 11 [весна 1910 г.] Казань. Л. 50–51 об.

л. 50 Дорогой и любезнейший друг, Алексей Афанасьевич!

Пишу тебе это письмо на авось: найдет оно тебя на Востоке или нет — не знаю. Ждал, ждал от тебя ответного письма на мое письмо, отправленное тебе в январе, но так и не дождался. Одно из двух: или ты не получил того письма, или у тебя так много ревизорских дел, что не остается и ничуть времени на беседу с друзьями. Пред днем твоего Ангела я страшно колебался — писать или не писать тебе «традиционное» письмо, и решил не писать, ибо вернее всего, что оно тебя не найдет и, следовательно, поздравление с разными «благожеланиями» останется втуне. Да и дел срочных и неотложных было по горло, так что если прежде сидел до 3-х часов ночи, то в последнее время досиживаюсь очень часто до 5-ти часов утра. Теперь, сваливши с плеч хотя часть этих дел и получив маленькое облегчение, спешу черкнуть тебе хотя уже после твоих именин, чтобы поделиться с тобой своими академическими новостями и тебя вызвать хотя на короткое письмо. Если это письмо получишь к Пасхе, то прими от нас сердечный привет со Светлым Христовым Воскресеньем. ||

л. 50 об. Январь ознаменовался в нашей «*almae matris*» необычным событием, случившимся совершенно *ex abrupto*: студенты наши, решительно без всякого вызова со стороны начальства, демонстративно не ходили на обеды и ужины 3 дня, предъявив чисто мальчишеские требования частью дисциплинарного, частью экономического свойства: 1) чтобы их не будили по утрам на молитвы (инспектор и помощники его не ходили бы по спальням); 2) чтобы их по ночам не стесняли записями для отлучек из Академии и чтобы инспектор не встречал сам поздно ночью возвращающихся в Академию; 3) чтобы вечерняя молитва совершалась не в столовой (где они д[олжны] были присутствовать все), а в церкви (куда можно было ходить и не всем); 4) выдавать к вечернему чаю по порции белого хлеба; 5) дозволить пить чай во всякое время и для того кипятить куб с утра 7 ч. и до 12 ч. ночи; 6) вместо платья казенного выдавать на руки деньги; 7) удалить эконома, и т. п. Это случилось в отсутствии ректора, который уезжал на весь январь в Петербург для участия в совещательной комиссии при Министерстве внутренних дел по вопросу о приволжских инородцах. Студенческие требования встретили со стороны начальства, конечно, решительный отказ. Приняты были всевозможные л. 51 меры к прекращению беспорядка и со стороны Правления, и со || сторо-

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

ны Совета и архиепископа, и наши мятежники смирились, давши собственноручные подписи в том, что приносят искреннее раскаяние в своем поступке и впредь обязуются беспрекословно подчиняться правилам Академии и распоряжениям начальства. О совершившихся событиях, конечно, было донесено в Синод, откуда пока еще не получено никаких по этому делу распоряжений. Думаю, судить меня не будут за то, что согласно последнему синодальному указу, я всячески старался водворять и поддерживать порядок в Академии и поблажек студентам не допускаю, хотя делаю это сдержанно и не круто. А студентам не мешало бы сделать острастку, дабы впредь неповадно было им прибегать к голодовкам и забастовкам. Напрасно архиепископ пошел на некоторые компромиссы и сделал распоряжение о выдаче (даже в его счет) студентам белого хлеба к вечернему чаю и о перенесении вечерней молитвы из столовой. Теперь они воображают, что все-таки кое-чего добились. Впрочем, в других отношениях в результате голодовки явилось больше строгостей и ограничений, хотя наш ректор, по приезде из Петербурга, к нашему общему удивлению, стал гораздо слабее и снисходительнее к разным неисправностям студентов и в учебном, и в дисциплинарном отношении. Вот тут и служи. Видимо, наш владыка ждет себе какой-нибудь кафедры. Очень уж торопил рецензию своей «докторской», потом, когда дело его прошло благополучно в Совете, еще скорее поспешил представлением || его л. 51 об. в Синод. С другой стороны. Идут вести, что еще посидит наш ректор на своем посту, ибо теперь в Синоде нет его протезе — Волынского Антония. Да последний теперь, говорят, в Синоде потерял всякое значение и доверие. Причина тому — его давешний лживый отчет о Киевской Академии, который — как, наверное, тебе уже известно, киевские профессора в своей печатной отповеди разделали так, что от него не осталось почти ничего⁶⁴. Пытается теперь он защищаться в газетках, но ничего, кроме пустой болтовни, у него не выходит. Очевидно, налетел со сво-

⁶⁴ Речь идет о ревизии, проведенной архиепископом Волынским Антонием (Храповицким) в КДА весной 1908 г. Критический отчет о ревизии, опубликованный преосвященным Антонием, и ответ на него корпорации КДА см.: *Антоний [(Храповицкий)]*, архиеп. Отчет по Высочайше назначенное ревизии Киевской духовной академии в марте и апреле 1908 года. Почаев, 1909; Правда о Киевской духовной академии: Вынужденный ответ на изданную архиепископом Волынским Антонием брошюру «Отчет по Высочайше назначенное ревизии Киевской духовной академии в марте и апреле 1908 года». Киев, 1910.

им «пресловутым отчетом». Удивительно, как он любит лгать и чернить всех, кто почему-либо не нравится. От И. Ст. Бердникова мне удалось узнать, что Волынский архипастырь позволил себе проехаться и на мой счет, — даже в заседании Синода, а так как действительных обвинений у него не оказалось, он прибег к клевете, извращению фактов и даже измышлению. Вот уже действительно следовало бы повесить на одной веревке с нашим «Алексием», тоже удивительным лгуном и клеветником.

Что мне тебе написать? Нового в нашей Академии особенного ничего нет. Все живы и здоровы. Ольга Ив[ановна] Попова получила полную пенсию. Как ни крепилась, но все же в конце концов оказалась сильно расстроенной. Расстройство выражается недовольством всем и всеми. Этим только и можно объяснить то, что она, вопреки общему желанию, не позволила печатать приготовленного некролога А. В. Попова, обидевшись, что в нем А[лексей] Васильевич представлен не тем, чем был, и что об его ученой и профессорской деятельности сказано мало и совсем не то. Пришлось редактору «Собеседника» ограничиться коротенькой записочкой о А[лексее] В[асильевиче] и лишь напечатать одни «слова» и «речи» при его погребении⁶⁵. ||

л. 50 О новом Уставе Академий известно нам лишь то, что он уже поставлен в Синоде (с большими изменениями сравнительно с проектом комиссии) и теперь представляется на Высочайшее рассмотрение. Впрочем, тебе об этом, наверное, кто-нибудь уже написал из Петербурга подробно.

Пока довольно. Супруга моя тебе низко кланяется. А где твоя благоверная? Если с тобой, то шлем ей мы оба по нижайшему поклону, храня о ней самые лучшие и приятные воспоминания.

Твой неизменный друг протоиерей Н. Виноградов.

№ 12 [весна 1910 г.] Казань. Л. 52–53 об.

л. 52 Дорогой друг, Алексей Афанасьевич!
Ты окончательно удивляешь меня своей молчаливостью. Три письма я послал тебе (одно в Петербург и два в Иерусалим), а от тебя получил только одно обычное — именинное к 6-му декабря. Что с тобой? Ужели твоя грозная ревизия поглощала у тебя все время — до минуты? Ужели

⁶⁵ См.: Профессор Алексей Васильевич Попов († 9 ноября 1909 г.) // ПС. 1910. Т. I. С. 523–550.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

ты и сейчас так занят, что «отчетом» или др. делами, что у тебя нет и 10 минут черкнуть мне что-нибудь из новостей последних дней в синодальных сферах? А мы — провинциалы — теперь очень и очень интересуемся разными «движениями» и «решениями». В частности, и я, неключимый раб, глубоко заинтересован не только обще-академическими делами, но и своими личными, находящимися на рассмотрении Синода.

Новоиспеченный Устав, как тебе, конечно, уже хорошо известно, сильно всколыхнул все Академии, особенно же нашу в отношении к составу профессоров: все старики могут оставаться на службе только на один год, а потом и из Академии вон. Этот неожиданный параграф Устава страшно обидел наших «заслуженных» старцев и заставил || их крепко л. 52 об. подумать над тем, как бы продлить действительную их службу еще годика на 3. Комиссия, работавшая над вопросом о замещении кафедр по новому Уставу, выработала и представила в Совет проект, по которому введение Устава в нашей Академии в данном отношении потребует времени *minimum* 3 года, если не допускать весьма чувствительных ущербов и в научном, и в практическом отношениях: 13 кафедр, действительно, в один или два года заместить достойными кандидатами — особенно из последних 5–6 выпусков — не легко. Советом принят и уже давно в Синод отправлен этот проект, но какова его судьба — нам пока ничего не известно, и мы продолжаем волноваться.

Твой покорнейший слуга и почитатель тоже не считает себя вне опасности скоро очутиться за бортом: 18-го августа и мне исполнится 30 лет службы, и я так же должен искать себе преемника, а сам через год убираться из Академии. Что же делать? Вне велений Устава не будешь: уйду, ничтоже вопреки глаголя. Но нельзя не выразить своего крайнего сожаления и нельзя не принимать никаких мер к устройению своей будущей судьбы, благо есть люди, которые не отказываются посодействовать ее благоустройению. Вот когда, друг мой, приходится особенно жалеть о том, что я не торопился со соей «докторской», увлекшись инспекторством и отдавши этой службе решительно все время, остававшееся от лекций, я все откладывал окончание «докторской», надеясь еще послужить несколько годков если не инспектором, то профессором, чтобы все-таки || уйти л. 53 со службы «ординарным». Теперь же — увы! — совершенно неожиданно подкативший Устав застал меня врасплох, и я должен уходить «э[кстра]-ординарным». 30 лет профессорской и 16 инспекторской — и за все это

пенсия «э[кстра]-ординарного»!.. Не досадно ли и не обидно ли? Наши прошлогодние изгнанники, не прослужившие и 25 лет, получили полные пенсии (Потехин — даже за 20 лет!), а я, старый служака, переживший военное положение и не раз бывавший в отчаянном бою за спасение чести, и теперь должен уходить с пенсией э[кстра]-ординарного!.. Правда, я еще далеко не инвалид и могу служить где угодно. Но куда пойдешь? Ведь не в приходские же священники, а более у нас в Казани мест нет! Вот так положение!.. Входя в мое положение и всячески стараясь его облегчить, мои добрые сослуживцы — поголовно весь Совет — решил войти чрез нашего владыку в Синод с ходатайством о возведении меня в и. д. ординарного, в тех, конечно, видах, чтобы при уходе моем со службы мне дали пенсию ординарного. Не знаю, будет ли иметь успех это представление, давно уже посланное в Синод. Если да, то это будет для меня большим утешением. Тормоза, по-видимому, не предвидится ни в одной инстанции; даже мой всегдашний недоброжелатель — наш ректор — и тот с такой готовностью принялся за это дело, хотя немало и подпакостил в самой форме представления: написанное большой группой профессоров и составленное л. 53 об. весьма сильно и горячо, заявление ему не понравилось, — очевидно || потому, что выставляемые все мои заслуги по инспекторству шли вразрез с его прежними рекомендациями обо мне и ревизору Арсению, и Антонию Волынскому, и еще кое-кому в Синоде, — и он насильно изменил заявление профессоров, значительно его смягчив и урезав. Архиепископ наш отнесся ко мне с полным сочувствием, в Синоде, кажется, также теперь нет у меня врагов (вроде Антония Волынского). Жаль, очень жаль только, что митроп[олит] Антоний отсутствует и не может оказать свое высокое содействие. Но на все воля Божия: буду ожидать себе милость. А тебя усерднейше попрошу в данном случае тоже сделать для меня, елико возможно. Как? — Это уж ты сам лучше меня сообразишь. Больше мне обратиться совсем не к кому, а момент, как ты видишь, критический. Другой вопрос, касающийся тоже моего положения и в Казани не разрешимый никем. Как профессор, с исполнением 30-летия я остаюсь, по решению Совета, на год, но о службе инспектора в Уставе нет ни слова (ни в старом, ни в новом). Спрашивается: могу ли я далее оставаться инспектором или одновременно должен уходить и из инспекторов? По-видимому, с прекращением штатной профессорской службы д[олжна] кончаться и инспекторская служба. Но у нас рассуждают иначе: раз инспекторская

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

служба, по Уставу, бессрочная, значит нет оснований меня удалять с нее, и она, как нештатная, не препятствует получению пенсии; все дело теперь в том, что по новому Уставу, мне придется читать не 4, а только 2 лекции, и по одному из богословских предметов. Где правда? — решительно недоумеваю. А потому опять решаюсь просить тебя, Ал[ексей] Аф[анасьевич], не найдешь ли возможности поговорить с кем-нибудь в Синоде по этому недоуменному вопросу и хотя коротенько черкнуть мне. Ведь для меня этот вопрос существенно важный, и я после ваката должен буду располагать собой непременно сообразно с тем или иным решением именно этого вопроса. Общее желание || нашей Академии, не исключая даже и л. 52 ректора, то, чтобы я непременно остался инспектором хотя на этот год — ввиду введения нового Устава; и я готов еще поработать для родной, и как бы трудно мне не было. Но дело не от нас зависит, а от воззрений на него высшей власти. Я давно уже запрашивал об этом письмом митроп[олита] Антония, но, очевидно, по оказии он ответа дать не мог.

Пока довольно. Жду твоего ответа. И от Раисы Никандровны и от меня нижайший поклон тебе и незабвенной Анастасии Ивановне.

Любящий тебя протоиерей Н. Виноградов.

№ 13 [конец июля — начало августа 1910 г.] Казань. Л. 54–55 об.

Любезнейший друг, Алексей Афанасьевич!

л. 54

Сто раз тебе спасибо за твое дружеское опасение обо мне и за твое интереснейшее письмо. Еще прежде твоего письма полученный нами указ от 21 июля возвестил нам об отказе в ходатайстве обо мне академического Совета. Значит, когда уже состоялось определение Синода, никакие хлопоты делу помочь не могли, и я совершенно напрасно утруждал тебя своею запоздалою (где я только не запаздывал, сколько раз терпел из-за своего кунктаторства⁶⁶!) просьбою: извини, пожалуйста. Однако ж отказ Синода поразил не только меня, но и всех в Академии: все || были л. 54 об. почти уверены в успехе ходатайства, и вдруг... Теряемся в объяснениях печальному исходу дела... Никто не может мириться с указанием на 66-й пар[аграф] нового Устава⁶⁷, ибо еще не настало время действия это-

⁶⁶ От латинского глагола *cunctare* — медлить: *cunctator* — «медлитель».

⁶⁷ Согласно § 66 Устава духовных академий 1910 г. профессора академий должны иметь ученую степень доктора богословских наук; Устав же 1884 г. позволял преподавателей небогословских наук в академии, имеющих степень магистра богословия, определять

го Устава (он войдет в силу только с 15 авг[уста]); было бы правильнее указать на старый Устав, но и — вернее — указ, коим отменялось примечание, позволявшее преподавателей светских наук возводить в и. д. ординарного хотя бы и со степенью магистра, но ведь действие этого указа на практике допускало исключения, на которые и было указано в представлении Совета. Что же? Значит, исключения эти для одних (прослуживших инспекторами 2–3 года) допустимы, для других же (прослуживших 15–16 лет) нет?!.. Где же правда в «Святейшем» Синоде? Или, быть может, дело объясняется простой случайностью: не случилось меж-
л. 55 ду членами Синода ни одного, знающего || меня и мою службу; но ведь представление целого учреждения, на глазах коего прошла моя служба, кажется, может быть, достаточным ручательством справедливого просимого. Жаль, конечно, что не было при решении моего дела митрополита Антония; думаю, он сумел бы отклонить синодских «книжников» и «законников» от столь холодного и безучастного отношения к старому служаке, жертвующему инспекторской службе всем — научными интересами, и спокойствием, и здоровьем. И теперь теряющему право на достаточное обеспечение конца своей жизни лишь благодаря внезапному определению высшей власти о прекращении его службы. Ну, что же делать? Раньше возбуждать обо мне ходатайство Совет находил неблагоприятным, потому что не было у нас вакансии ординарного; а теперь, с выходом на пенсию Юнгера, вакансия открылась, и для меня не требовалось никакой новой ассигновки, да и я никому не становился поперек дороги; дожидаться же возвращения митрополита в Петербург
л. 55 об. значило уже || совсем опоздать с представлением ибо 18 авг[уста] я должен буду подавать прошение об отставке и пенсии. Теперь остается еще одна надежда: не признает ли Синод возможным дать мне усиленную пенсию во внимание к продолжительной и тяжелой моей инспекторской службе, если Совет будет возбуждать о том ходатайство, конечно, в своей ко мне особой милости. А я думаю, что Совет по поводу моего прошения об отставке и пенсии (в начале сентября) возбудит это ходатайство. Конечно, для меня весьма удивительно, если я на условиях, тобою прописанных со слов митроп[олита] Флавиана, останусь инспек-

на вакантные кафедры ординарных профессоров со званием исполняющего должность ординарного профессора (Высочайше утвержденный 20 апреля 1884 г. Устав православных духовных академий. § 45. Прим. // ПСЗ III. Т. IV. СПб., 1887. № 2160. С. 234).

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

тором, но долго ли я или нет прослужу при настоящих тяжелых условиях с введением нового Устава, — сказать трудно; а о какой-же-нибудь приходско-поповской службе и помышлять в мои годы нечего; да у нас в Казани мало-мальски подходящей мне совсем и нет. Но и при всем этом я не подумал бы «вздыхать»: ведь нас всего двое — проживем и на пенсию «э[кстра]-ординарного». Дело в том, что на наших руках две сиротских семьи, из коих одну нужно «пристраивать», а другую только еще отдавать в ученье; отказать в своей помощи — значит, прямо бросить их на произвол судьбы, а их всех 7 человек. Но «никто как Бог». Наши старцы-профессора, кажется, все уже свыклись с мыслью об отставке: год еще послужить — и уйти; только Ф. А. Курганов никак не м[ожет] успокоиться и ужасно волнуется, ничуть не желая никому уступить своей кафедры. А большую суматоху в нашей Академии произвело новое распоряжение о частичном введении учебной части. У нас ведь уже избраны и представлены до 5 новых преподавателей из прошлых стипендиатов. Что же им делать, если их предметы ныне еще || не будут л. 54 введены? Потом, где взять в следующем году еще 5–6 новых доцентов с уходом «старцев»? Придется, вероятно, пустить на академ[ические] кафедры людей с убогой ученостью; а работы-то и от профессоров, и от студентов требуется вдвое больше и серьезнее теперешней. Трудно и вообразить, что только будет в «новых Академиях».

Но довольно. Помогли тебе Господь одолеть тяжелый и серьезный труд по составлению отчета. Раиса Никандровна тебе низко кланяется. От нас обоих пренизкий поклон незабвенной Анастасии Ивановне.

Твой неизменный друг протоиерей Н. Виноградов.

№ 14 от 20 августа 1910 г. Казань. Л. 22–23 об.

Любезнейший и дорогой друг, Алексей Афанасьевич!

л. 22

Настоящее письмо пишу тебе по настойчивой просьбе одного из моих сослуживцев — э[кстра]-орд[инарного] проф[ессора] Василия Ивановича Протопопова⁶⁸. Сей господин, оставаясь ныне по новому Уставу на год без лекций (по библейской истории), надумал спутешествовать вместе со своей супругой с научными целями на Восток (в Иерусалим). Командировка Св. Синодом ему дана, но в субсидии отказано; Совет Академии

⁶⁸ Протопопов Василий Иванович (1868 — 1920-е) — выпускник (1894) и экстраординарный профессор КазДА по кафедре библейской истории; магистр богословия (1896).

также дать ему ничего не может; отказано даже в пособии из Михайло-
л. 22 об. Архангельского попечительства. В этих критических || обстоятельствах он решился прибегнуть к твоему высокогуманному и просвещенному содействию. По словам нашего доцента Е. Я. Полянского, ты в свое время оказал ему неоценимые услуги, устроил его в Палестине наилучшим образом⁶⁹. Не найдешь ли возможным что-нибудь сделать и для Протопоповых? Люди они очень хорошие и вполне заслуживают помощи и содействия в своем добром намерении. Они хотели бы и самолично обратиться к тебе со своею просьбой, но по незнакомству стесняются и во всяком случае предпочли заручиться пред тобой чьей-либо рекомендацией. Знаю, что тебе сейчас не до сторонних хлопот, ввиду сложной и от-
л. 23 ветственной работы по твоей командировке, но, || быть может, и найдешь несколько минут черкнуть куда следует, чтобы по твоему авторитетному слову им оказано было на Св. Земле возможное гостеприимство и удобство. Ехать они хотят в предстоящем сентябре, невзирая на угрожающую эпидемию холерную и чумную.

О себе писать теперь много нечего. 18-го сего августа скромно отпраздновал свой 30-летний юбилей и сопричислился к сверхштатным старцам — «изгнанникам». Горько, конечно, я плакал ввиду предстоящего прекращения профессорской службы, но не безутешно, уповая на продолжение службы инспекторской, срока коей в Уставе не указано, и желая воспользоваться указанием митроп[олита] Флавиана, о котором
л. 23 об. ты мне писал. По || поводу же отказа в и. д. ординарного не особенно и жалею. Вскоре после твоего письма я получил письмо от Дм. Никаноровича Беликова, который писал мне, что уважение ходатайствам Совета об и. д. ординарного едва ли и могло бы иметь практическое значение, ибо, при строгой законности обер-прокурора, мне все равно бы не дали пенсии ординарного. Гораздо, будто бы, и вернее рассчитывать на успех ходатайства об усиленной пенсии при уходе в заштат с указанием на продолжительную инспекторскую службу. Не знаю только, решится ли наш Совет на это новое ходатайство; члены Совета, впрочем, безусловно все желают возбудить это ходатайство, но ведь может же заартачиться один ректор, и — делу конец... Надежда, конечно, на Бога и добрых людей. Жаль, что

⁶⁹ Полянский Евлампий Яковлевич (1872 — после 1932) — выпускник (1904), доцент, профессор на кафедре древнееврейского языка и библейской археологии (1910). В 1908 г. был командирован на год в Палестину для подготовки к кафедре (ПЗС КазДА за 1908 г. С. 14–15, 136).

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

сейчас нет у нас архиепископа — уехал на Кавказ до 12-го сент[ября]; да и митроп[олит] Антоний вернется в Петербург еще не скоро.

В Академии сейчас работа уже началась: новичков, сверх казеннокоштных 18, приехало 33; начались экзамены, распределение лекций, составление программ и т.п. Начало учебных занятий с 1-го сент[ября]. Посмотрим, что-то даст новый Устав, который, благодаря усердию нашего ректора, у нас вводится сполна не только на 1-м, но и на 2-м и на 3-м курсах.

Но довольно. Нижайший поклон тебе от Раисы Никандровны. Наш общий пренизкий поклон || (л. 22) наилюбезнейшей и незабвенной Анастасии Ивановне. Кстати: напиши, Бога ради, когда день ее Ангела? Я, простите, забыл, в октябре, декабре или апреле?

До свидания! Искренно преданный тебе протоиерей Н. Виноградов.

№ 15 от 12 декабря 1910 г. Казань. Л. 24–27 об.

Любезнейший друг Алексей Афанасьевич!

л. 24

Сердечное тебе спасибо за дружеский привет к 6-му декабря. 7-го числа я уже собирался послать тебе ответную телеграмму, как вдруг получил и твое письмо. Решил уже зараз ответить тебе более или менее обстоятельным письмом.

Да, ты порядочно напугал меня надвигавшейся было на меня бедой — назначением в Казань Антония Волынского; тогда, конечно, моя служба в Академии едва ли подлилась бы далее 15 августа: как ни был исправен, а все же получал бы постоянно напоминание, хотя бы в самой деликатной форме, о прекращении своей службы и, конечно, *volens-polens* должен был бы скоро уступить свое место какому-нибудь монаху. Но теперь, быть может, еще послужу: видимо, всецелый Господь еще терпит моим грехам, посылая к нам архиепископа Иакова Симбирского, который, по общему здесь признанию, человек умный, книжный, || самостоятельный, прямой и беспристрастный⁷⁰. Казань должна быть л. 24 об.

⁷⁰ Иаков (Пятницкий Иван Алексеевич; 1844–1922), архиепископ — выпускник Калужской ДС (1866) и МДА (1870), магистр богословия; служил смотрителем Мещовского ДУ (1872), преподавателем (1873) и ректором (1891) Вифанской ДС. С 1891 г. епископ Балахнинский, викарий Нижегородской епархии; с 1893 г. епископ Чигиринский, викарий Киевской епархии; с 1898 г. епископ Кишиневский и Хотинский; с 1904 г. архиепископ Ярославский и Ростовский; с 1907 г. архиепископ Симбирский и Сызранский, с 1910 г. архиепископ Казанский и Свияжский, с ноября 1917 г. митрополит. После рево-

вполне довольна этим назначением; недовольны разве только одни «антониевцы», уже ликовавшие было от уверенности в назначении сюда «волынского». Как это случилось, что последний не попал в Казань, — для нас пока глубокая тайна; объясняют единственно силой и влиянием митроп. Антония, который, говорят, уготовляет место «Волынскому воеводе» где-нибудь в Сибири. Туда же всего приличнее было бы послать и нашего Алексия: последний положительно неисправим и до того всем опротивел, что прямо от лица его бегут. Разочарованный в своих ожиданиях видеть своего друга и покровителя — Волынского — в Казани, не получая сам никакого движения, он положительно рвет и мечет, не разбирая ни лиц, ни мест. Еще на днях был ласков и милостив к студентам, а теперь гоняет их и не удовлетворяет их самых законных просьб. Не дальше как сегодня, приглашенный на 50-летний юбилей начальницы Мариинского духовного училища, явился туда служить Литургию, на ½ часа ранее назначенного срока. И так накричал на служащих, что смутил весь юбилей. Горе будет всем, если ему и теперь не дадут никакого движения. Сам он решительно заявляет, что служит уже последний год и, если не дадут ему приличной кафедры, уйдет на покой. И это не мудрено: деньжонок накопил он довольно — на его жизнь хватит. ||

л. 25 А я вот и желал бы еще послужить в своей родной Академии, пока Бог дает сил и здоровья, да не знаю, какова будет воля высшего начальства. Дело вот в чем. Ты, конечно, хорошо помнишь разъяснение, данное тебе летом митроп. Флавианом касательно моей дальнейшей судьбы в Академии. Согласно тем указаниям я после каникул и поступил вместе с другими профессорами, прослужившими 30 лет. Полученный из Св. Синода указ, по-моему, имеет совершенно тот смысл относительно меня, какой дан был и митроп[олитом] Флавианом, т[о] е[сть] я остаюсь профессором с правом чтения лекций, как и другие мои коллеги, только на один [год], а там уже передаю свою кафедру другому, сам же остаюсь только в должности инспектора с правом чтения не более 2-х лекций в неделю. Между тем и ректор, и некоторые из профессоров (Нарбеков и Покровский, которые, очевидно, не прочь бы сами сделаться инспекторами) дают толкование указу такое, якобы Св. Синод оставляет меня и инспектором только на 1 год и якобы дальнейшее оставление меня

люции был митрополитом Иркутским (1919), Томским (1920); в 1922 г. был арестован, скончался в Томске на покое при Иоанно-Предтеченском женском монастыре.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

в этой должности лишало бы меня права на получение выслуженной пенсии, забывая при этом, что инспекторская должность не введена в штат и никакой особой пенсии не дает. Вот, для ясности, буквальный текст указа Св. Синода: «NN профессоров и прот[оиерея] Виноградова, за выслугою ими 30 лет, согласно их прошениям, уволить от занимаемых ими штатных профессорских должностей в Академии, с || на- л. 25 об. начала текущего учебного года, оставив их на службе при Академии в звании сверхштатных профессоров, с правами, предусмотренными § 90 Уст[ава] Дух[овных] акад[емий] (т. е. правом участвовать в заседаниях Совета с решающим голосом, а равно и принимать на себя исполнение различных поручений Совета), и прот[оиерея] Виноградова, кроме того, в должности инспектора». Кажется, ясно, что я оставляюсь в должности инспектора, как и в звании сверхштатного профессора, не на 1 год, а бессрочно. Но нет, наши велемудрые толковники уверяют, что редакция указа настолько неудачна, что дает место различным толкованиям и требует разъяснения. И вот в совете у нас постановили: 1) просить разъяснения Св. Синода 1) на 1 год или бессрочно я оставлен в должности инспектора, 2) не воспрепятствует ли мне эта должность получать пенсию и 3) как мне придется читать лекции, — в порядке ли § 49 Устава, как инспектору не из профессоров, т. е., не более 2-х лекций в неделю по одной из богословских наук, или, как состоящему сверхштатным профессором, читать лекции по занимаемой сейчас кафедре лат[инского] яз[ыка] (тем более, что ныне и по древним языкам можно читать только книги Св. Писания и творения свв. отцов), при условии || иметь на этой кафедре другого — штатного — преподавателя. Совер- л. 26 шенно лишний, по-моему, запрос, за исключением, разве, 3-го пункта: тут, действительно, и мне интересно знать, свою ли науку мне продолжать читать со следующего года или избрать другую. На этих днях запрос этот будет послан в Синод. Посему я усердно просил бы тебя (если это особенно тебя не затруднит) по этому поводу поговорить с кем найдешь нужным и о результате коротенько мне черкнуть. Знаю, что дела у тебя по горло и без меня. Но что же делать? Ведь ты у меня — единственный сильный и авторитетный ходатай, у которого, оказывается, почти весь состав Синода — люди близкие и готовые к услугам. Как же мне не прибегнуть к тебе в такие критические моменты, как сейчас?.. Только чем я тебе отплачу за твои дорогие услуги? Да и не один я обязан тебе.

Весьма благодарны тебе за горячее твое участие и содействие в устройении жизни путешествующих в Палестину наших профессоров — прежде Полянского и ныне Протопоповых. Ты пишешь, что кое-что сделал л. 26 об. для Киевской Академии. Но Киевская Академия уже сумела || поблагодарить тебя, избрав своего ученейшего профессора в почетные члены, и в этом упредила Казанскую. Но будь уверен, что если нам не удалось этого сделать ныне, то это непременно будет сделано в следующем — 1911-м году. Расскажу тебе откровенно. Ныне я, вкуче с некоторыми своими и твоими клеветами, задумал войти в Совет с представлением тебя в почтенные члены нашей Академии. Но разве при этом нашем бурбоне-ректоре мыслимо сделать что-нибудь подобное? Узнав о нашем намерении, он не дал нам даже говорить в совете, закричав: «Довольно, довольно! Будет двоих, больше двоих не следует избирать в один раз!» А пред тем только что были избраны Дм[итрий] Никанорович Беликов и Н. В. Покровский⁷¹. Думаю, что это сделал наш владыка сколько по своему разуму, столько и по наущению своего приятеля Ив. Покровского (давшего ему докторство, можно сказать, не читая его книги и не указав ни одного недостатка и потому осыпаемого теперь всевозможными милостями и благодарностями); а сей бесталанный профессор до сих пор л. 27 не может забыть, как || ты разделал его докторскую и при всяком случае, конечно, старается мстить. Ну, хорошо: не удалось ныне — сделаем в следующем году, поставим тебя во главе всех кандидатов; это желание всех, знающих о твоей профессорской деятельности и твоих ученых трудах, снискавших тебе славу ученейшего единственного литургиста в России, и против этого никто уже возражать не может.

Что нового, спросишь, у нас? Пошел у нас целый ряд юбилеев: П. В. Знаменского, Курганова, секретаря Вознесенского, предстоит 11-го января юбилей М. И. Богословского, а затем — ректора (22 янв[аря])⁷².

⁷¹ Беликов Дмитрий Никанорович (1852–1932), протоиерей — выпускник КазДА (1878), преподавал в академии общую гражданскую историю; в 1882 г. принял священный сан; профессор Томского университета по кафедре богословия (1889); доктор церковной истории (1902). В дальнейшем епископ Омский (1920), архиепископ Томский (1926); поддержал «григорианский раскол», «митрополит» в расколе.

Покровский Николай Васильевич (1848–1917) — выпускник (1874) и профессор СПбДА по кафедре церковной археологии и литургики; доктор церковной истории (1892); директор Императорского Санкт-Петербургского археологического института (1898).

⁷² Вознесенский Петр Евфимиевич — выпускник КазДА (1885), многолетний секре-

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

П[етр] Васильевич, конечно, скрылся и не принимал никого, несмотря на усиленные к нему просьбы почтить его юбилей празднованием в Академии; пришлось ограничиться молебном и посылкою к нему адреса. Адрес же незадолго пред тем мы послали и митроп[олиту] Антонию по случаю его 40-летия⁷³. Ждали было от него какого-либо ответа, но получили только ответную телеграмму на особо посланную ему, сверх адреса, телеграмму. Кстати: Академия, не имея верных сведений о состоянии его здоровья, очень || беспокоится; газетным разноречивым известиям доверять не при- л. 27 об. ходится. Ты, наверное, хорошо осведомлен, а потому при случае черкни нам. Как-никак, а мы — казанцы — живем большими надеждами на его поддержку и крепко молимся об его здоровье. Юбилей Курганова прошел с большим торжеством, и наш юбиляр остался очень доволен. Подробные сведения об отпразднованных юбилеях ты, конечно, прочтешь в «Собеседнике». Недурно сошел и наш праздник 8 ноября (спасибо тебе за привет, оглашенный мною вместе с другими важными телеграммами на акте).

Кончина преосв[ященного] Никанора⁷⁴ немало огорчила его друзей и почитателей, но в то же время была, конечно, на радость его врагам (из них же первый — наш преосв[ященный] Алексей, отнесшийся в высшей степени неуважительно к почившему не только в последние минуты его жизни и не пожелавший поехать к нему домой по получении известия, что владыка Никанор «уже при смерти», но и после его кончины: так-то пылают злобою души наших владык!..) Не совсем неожиданною была кончина архиеп[ископа] Никанора: он все время был слаб, в октябре был с ним припадок, и доктора прямо советовали ему прекратить его кипучую деятельность, но он не внимал их советам, а продолжал работать и работать до самого последнего дня своей жизни. Кроме значительного и ценного имущества, оставил он денег на 50.000 р. и имение в Крыму на 40.000 р.; % со всего этого он завещал частью своему сыну (больному прогрессивным параличом мозга), частью же своей сестре-старушке, а по смерти их весь капитал — в пользу основанных им в Каз[анской] епархии приютов для крещеных инородцев. Святое дело!

тарь Совета и Правления академии.

⁷³ Осенью 1910 г. митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский) праздновал 40-летие своей духовно-учебной службы.

⁷⁴ Никанор (Каменский Никифор Тимофеевич; 1874–1910), архиепископ Казанский и Свяжский (05.04.1908–27.11.1910).

Пока довольно. В заключение и исполняю просьбу Раисы Никандровны: свидетельствую от нее нижайший поклон и благодарность за л. 24 привет тебе || и многолюбезнейшей твоей супруге. С нетерпением ждем ее литературных трудов и заранее благодарим за них. Я лично не могу не высказать своего глубокого сожаления по поводу того, что не нашел ее поздравления меня ни в телеграмме, ни в письме. Это, конечно, справедливое наказание моему невежеству: я за все время не послал поздравления ей; но тут я наполовину не виновен: дважды просил тебя осведомить нас о дне ее Ангела, а ты доселе не написал. Напиши же, ради Бога! А теперь передай ей мой низкий поклон.

Твой неизменный друг и богомолец протоиерей Н. Виноградов.

№ 16 от 18 сентября 1911 г. Казань. Л. 28–29 об.

л. 28 Дорогой друг Алексей Афанасьевич!

С 6-го декабря прошлого года от тебя не получал я ни строчки и совсем потерял тебя. По слухам, ты оставлял Палестинское Общество и возвращался в Киев на профессорскую кафедру. Теперь будто бы ты снова секретарем Совета Палест[инского] Общества⁷⁵. По правде говоря, не знаю, где тебя искать и куда писать. Пишу на авось в Петербург и оттуда буду ждать твоего ответа.

Моя беда тебе, конечно, известна и едва ли нужно тебе говорить о ней⁷⁶. Разве только для установления истины касательно ее виновников. Да, мои «приятели» сделали свое нечистое дело, свели со мною счеты и отомстили мне со всею жестокостью. Только я решительно не понимаю, за что и про что. Если это сделал Антоний Волынский⁷⁷, то разве за то, что я служил ему верой и правдой и был, по его же словам, «незаменимым» инспектором. Быть может, после того кто-нибудь успел про меня что-нибудь ему насплетничать? Но на основании сплетен нельзя делать столь решительных шагов и столь жестоких решений ни одному разумному и серьезному человеку. Если в моем несчастье виноват наш ректор Алексей, то и тут я не вижу никаких серьезных оснований, кроме ||

⁷⁵ В 1911 г. А. А. Дмитриевский хотел возобновить профессорскую деятельность и подал заявление в КДА на кафедру греческого языка. Но, хотя был единогласно избран Советом КДА и утвержден указом Синода от 25 июля 1911 г., в Киев не вернулся и от кафедры отказался (ОР РНБ. Ф. 253. Ед. хр. 96. Л. 1–2).

⁷⁶ Речь идет об увольнении протоиерея Николая от должности инспектора КазДА.

⁷⁷ Архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий).

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

одних личных неудовольствий. Да и то за все 6 лет совместной с ним л. 28 об. службы у нас были с ним 2–3 столкновения, в которых он обнаружил крайнее буйство и несдержанность своего дикого характера. За последние же 2 года я употребил все усилия и устранял всякие поводы к столкновению с ним. И мы жили, к удивлению окружающих, в мире; я старался быть исполнительным и услужливым решительно во всем, а при его бешеных вспышках просто молчал. И он, видимо, был доволен моей службой. Да и как не быть довольным, когда мы постепенно вводили новый Устав в нашей Академии так мирно, без всякого крика и шуму? Особенно же он должен был чувствовать мою к нему доброту и всепрощение в деле устройства его 25-летнего юбилея с хвалебной ему юбилейной речью (каюсь — сильно пересоленной и вызывавшей в корпорации упреки по моему адресу)⁷⁸. Не раз он даже лично мне говаривал, что за мои добрые к нему услуги он постарается меня отблагодарить, пока будет ректором. Тем не менее, у нас есть данные к тому, что главный виновник моего удаления из инспекторов — наш ректор. Несмотря на отсутствие в Уставе указания срока инспекторской службы, несмотря на заверения из синодальных сфер (о чем ты писал мне не один раз) о беспрепятственности к продолжению моего инспекторства, он поднял дело о возможности или невозможности этого продолжения, причем, вероятно, уже списавшись по этому вопросу с Антонием Волинским, повел дело так, что якобы я не могу быть утвержден Синодом по исполнению 30-летия; а когда наш || архиепископ Иаков, на основании Устава л. 29 рекомендовал в инспектора меня же, то Алексей со своей стороны представил еще двоих (проф[ессоров] Петрова и Александрова⁷⁹) и, будучи

⁷⁸ Речь идет о праздновании в 1911 г. 25-летия духовно-учебного служения ректора КазДА епископа Алексея (Дородницына) (с момента назначения учителем в Херсонское ДУ в 1886 г.).

⁷⁹ Петров Николай Васильевич (1875–1956), протоиерей — выпускник (1898) и профессор КазДА по кафедре истории философии, затем Священного Писания Нового Завета; в 1908 г. принял священный сан; профессор богословия в Казанском университете (1912). После революции был профессором истории религий в Казанском пединституте (1919–1920); в 1921 г. возглавил новообразованный Казанский богословский институт; неоднократно был арестован, отбывал ссылку; в 1943–1945 гг. был протоиереем Благовещенского собора города Муром.

Александров Александр Иванович (1861–1918) — выпускник и профессор Казанского университета по кафедре славянской филологии, доктор славянской филологии (1888); доктор церковной истории (1910). 7 июля 1910 г. был пострижен в монашество, воз-

в Петербурге, будто бы употребил все усилия и настойчиво просил о замене меня другим инспектором, что, при содействии Антония, ему и удалось. Сам же Алексей утверждает, что он в деле моего удаления из инспекторов не при чем; что по приезде в Петербург он нашел это дело уже решенным и что все было сделано в Синоде единственно для того, чтобы очистить место проф. Александрову, тогда только что принявшему монашество. Однако ж когда о. Анастасий (Александров) написал архиеп. Сергию, что он крайне чувствует себя неловко и смущен тем, что поступает на «живое место» и ради него удалено лицо, столь авторитетное и заслуженное, то Сергий ему ответил, что это сделано по желанию ректора Алексея. Вот тут и разбирай, кто прав, кто виноват. Впрочем, ведь во всяком нечистом деле всегда вину сваливают один на другого.

Как бы то ни было, а я остался при весьма печальном интересе. Получив указ к 1-му августа, я должен был выбираться из Академии. За столь поздним временем какого труда нам стоило найти мало-мальски подходящую квартиру и каких хлопот стоило перебраться со всем скарбом и устраиваться?.. Теперь немного устроились. Но можно ли примириться с настоящим положением? Во-1-х, я нравственно потрясен и чувствую себя совершенно незаслуженно обиженным и оскорбленным || за 17-летнюю тяжелейшую инспекторскую службу, на которую я положил все свои силы и здоровье и которой принес в жертву даже свои ученые занятия и «докторскую», дававшую мне столь важные и выгодные преимущества на всю последующую жизнь. Вместо всякой благодарности я получил от Св. Синода самый грубый и бесчеловечный толчок, даже без всякого другого назначения, как будто бы я был какой-либо тяжкий преступник или никуда не годный инвалид... Я остался без места и без дела. Правда, я изъявил согласие читать 2 лекции в неделю в Академии, исполнять поручения Совета и заведовать академической церковью, но ведь это все бесплатно. А ведь на э[кстра]-ординарную пенсию при нынешней дороговизне всего, да имея на руках две семьи сирот, не проживем. Волей-неволей приходится искать себе подходящее место. На приходскую службу в теперешнем возрасте и никогда ее не испытавши, конечно, идти

веден в сан иеромонаха; ординарный профессор КазДА по кафедре истории славянских и Румынской Церквей (1910–1911), церковнославянского и русского языков и палеографии (1911–1913), инспектор академии (1910–1912), епископ Чистопольский, викарий Казанской епархии и ректор КазДА (1912); епископ Ямбургский, викарий Санкт-Петербургской (с 1914 г. Петроградской) епархии, ректор СПбДА (с 1914 г. ПгДА).

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

неудобно, а других мест в Казани нет, кроме кафедр[ального] собора и женского монастыря, где места заняты. Мне указывают на возможность возвращения на инспекторскую должность и, вероятно, в скором времени (за перемещением нашего ректора в Учебный комитет при Св. Синоде и за переменой летнего состава Синода зимним), — или на переезд из Казани в другой город; но все это можно будет сделать только при участии и содействии митрополита Антония. Я ему послал письмо в Кисловодск и питаю надежду на то, что он, быть может, вспомнит обо мне и, по возвращении в Петербург, что-нибудь для меня сделает. Теперь прошу усерднейше и тебя придти мне на помощь и, аще что от тебя возможно, оказать мне свое содействие в устройении моей судьбы, особенно пред сильными людьми. Мне хотелось бы знать, не следует ли || мне явиться в Петербург л. 28 самому и, если что наговорено на меня нашим Алексием, способным на всякую подлость и клевету, оправдать себя, или не нужно ли мне явиться к митрополиту Антонию лично и — когда удобнее. Вообще вразуми меня, как и что лучше сделать.

А теперь пока прости. Супруга моя тебе шлет низжайший поклон. Таковой же просим тебя передать от нас любезнейшей Анастасии Ивановне.

Твой неизменный друг ex-inspector протоиерей Н. Виноградов.

№ 17 от 26 ноября 1911 г. Казань. Л. 30–33 об.

Дорогой друг, Алексей Афанасьевич!

л. 30

Глубокое спасибо тебе за твое любезное и сочувственное нам письмо, полученное нами к 8-му ноября.

Немного же утешительного я нашел в нем для себя. Но что же делать, если обстоятельства так сложились и, конечно, не без воли Божьей. Используя сие и во всем всегда предавая себя воле Божьей, я, конечно, и в настоящем деле не стал бы никому о себе писать и никому докучать. Но ведь нужно мне и самому хотя бы сколько-нибудь о себе позаботиться, по крайней мере, высказать свои чувства и открыть о себе правду и свои намерения; а там — как хотят, пусть так и делают... Если неправде человеческой, то ведь есть праведный суд Божий, если не теперь, то когда-нибудь все «явлено будет» и виновники неправды понесут достойное наказание. Если же мне теперь отдаться абсолютному безмолвию и ничего о себе не предпринимать, то ведь не только все мои друзья и

доброжелатели, но и самые враги вправе будут сказать: «что же он молчал и никому ничего не говорил? Видимо, сознает за собой вину или л. 30 об. ничего ему не нужно». Вот я и написал о своем || печальном положении митроп[олиту] Антонию и тебе, пока без особых подробностей.

И сейчас пишу тебе не ради каких-то видов, а просто по дружеской откровенности и для облегчения болеющей души. Впрочем, при удобном случае, может, кому найдешь прочесть и сообщить что из нижеследующих строк.

С тех пор, как мне стали известен указ Синода зимней сессии, я, конечно, перестал ждать от него для себя чего-либо доброго и утешительного, особенно при болезненном и изолированном положении митрополита Антония⁸⁰. Другие митрополиты меня совсем не знают, а из членов Синода, разве отчасти, знает меня, благодаря двукратному свиданию в Казани, только Назарий⁸¹, который, между прочим, как-то давал обо мне лестный отзыв Н. И. Ивановскому, прибавив, что и в Синоде, когда он присутствовал при суждении о результатах ревизии Академии, обо мне худого не было сказано ничего. Даже Сергей Финляндский, давно уже видевший меня, едва ли что может сказать обо мне хорошего или худого. Значит, если бы даже и зашла когда-либо обо мне речь в Синоде, то все, вероятно, будут прислушиваться к голосу Антония Вольнского. А этот, конечно, уже не пожалеет черных красок, чтобы всячески измазать меня и уже как следует отомстить своему ненавистнику. Пусть будет это так: дело совершенно естественное и понятное. Хотя месть уже совсем не к лицу святительскому, но ведь в Антонии уже ничего не осталось святительского; он насквозь теперь проникнут иезуитизмом и политиканством и в достижении своих целей не брезгует никакими средствами, а в удовлетворении своему дьявольскому често- л. 31 люблю || не щадит никого, кто чем-либо уязвит его. Мне все-таки хоте-

⁸⁰ Антоний (Вадковский), митрополит Петербургский и Ладожский, первоприсутствующий член Синода.

⁸¹ Назарий (Кириллов Николай Яковлевич; 1850–1928), митрополит — выпускник КДА (1880); с 1893 г. епископ Кирилловский, викарий Новгородской епархии, в том же году епископ Гдовский, викарий Санкт-Петербургской епархии; с 1897 г. епископ Олонецкий и Петрозаводский; с 1901 г. епископ Нижегородский и Арзамасский, с 1909 г. архиепископ; с 1910 г. Полтавский и Переяславский; с 1913 г. Херсонский и Одесский. С 1920 г. архиепископ Курский и Обоянский, с 1921 г. митрополит. С 1909 г. был почетным членом КазДА.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

лось бы, чтобы он мстил и меня средствами справедливыми и честными. Между прочим, как я слышу, он, за отсутствием таковых, прибег к бессовестной лжи и клевете. Еще в прошлом году, по возвращении из Петербурга, И. С. Бердников сообщил мне, что Антоний Волынский распространяет обо мне, — и даже где? — в синодальной комиссии по рассмотрению ревизорских отчетов, — заведомо лживые и весьма компрометирующие меня сведения. А ныне И. Ив. Спасский, лично беседовавший с Антонием, также привез мне выслушанное из уст этого святителя обо мне сплетню, будто бы я совсем распустил студентов, позволяя им все, и даже вместе с ними пьянствую, бывая у них в NN [номерах], особенно 8 ноября, даже до того, что они уже уносят меня в квартиру на руках, почему, будто бы, и пользуюсь популярностью. Когда же Ив[ан] Ив[анович] заявил, что при нем ничего подобного не бывало и теперь он ни от кого ничего подобного в Казани и в Академии не слышал, то Антоний сказал, что ему это передавали студенты, приезжавшие к нему жить на Волынь. Вот уж поистине наглая и возмутительная ложь! Если уж в чем, а именно в этом меня обвинить и упрекнуть никто не может: за все время своего инспекторства я именно ни разу не позволил себе выпить у студентов хотя бы одну рюмку вина или кому-либо из них предложить в своей квартире что-нибудь, кроме чаю. Ведь я прекрасно понимал свое положение и отлично знал, что могло быть, если бы я хотя один раз позволил себе выпить со студентами и — особенно — у студентов. Если я был в добрых отношениях и пользовался популярностью между студентов, то уже совсем не потому, что с ними пил || и все им л. 31 об. разрешал, а потому, что всегда был с ними прост, доступен, деликатен и старался останавливать их от разных проступков убеждениями и увещаниями, прибегая к мерам строгости лишь в редких и исключительных случаях, а также всегда прилагал старания и заботу об удовлетворении их нужд и законных требований. На все это я действительно не жалел ни времени, ни сил, ни средств, и студенты все это понимали и ценили. Могу со спокойной совестью сказать, что никогда 8 ноября в NN [номера] к ним не ходил, ибо знал, что значило появиться среди студентов в этот день, когда у них, по неискоренимой и доселе традиции, бывает пьяно, и прекратить выпивку в этот день, как и в Пасху, едва ли под силу какой угодно инспекции. Бывали случаи, когда, вызываемый или студентами, или каким-либо особым шумом и криком, выходил я из

квартиры в коридор, чтобы уговорить или успокоить студентов, и они действительно в праздничном подъеме схватывали меня, качали и на руках уносили до квартиры. Но значило ли это то, что передано «какими-то» студентами Антонию? Бывали случаи, когда в другое время, услышав где-либо шум или пение в неположенные часы, появлялся я в NN, «заставал» выпивку, но в этом случае я уже, конечно, никак не присоединялся к студентам, застигнутым на месте преступления, а предлагал им немедленно все прекратить, и если они не обнаруживали готовности тотчас же исполнить мое распоряжение, то я объявлял им, что не уйду — и не уходил — до тех пор, пока они не уберут все и не разойдутся. Опять значило ли это, что я пил вместе со студентами или разрешал им все?..

- л. 32 Вот единственный || случай в году, когда академическое начальство (не я один, а и ректор, иногда и кто-нибудь из профессоров) выпивает со студентами, — это при выпуске окончивших курс. Так ведь это уже не со студентами, а с окончившими курс на прощальной у них трапезе, устраиваемой ими прилично с винами, закусками, с речами, тостами и т. п. Да и эти прощальные трапезы учреждены при ком? — при самом Антонии (до него не было), и с тех пор их невозможно вывести. Да и возможно ли уничтожить то, что разрешается ректорами? Волей-неволей приходится присутствовать на этих прощальных обедах и, когда ректоры уходят, мне приходится оставаться для контроля, чтобы все было чинно и в порядке до конца. Тут, конечно, всегда бывает сердечная беседа с разными воспоминаниями и изливанием чувств и в конце концов сердечное прощание со своими питомцами, быть может, уже навсегда; скажешь, конечно, им несколько прочувствованных слов и пожеланий, а они, по обычаю, подхватят на руки, покачают и иногда унесут до квартиры. Вот все, что бывало в моей инспекторской практике. Значит ли, опять, это то, что я пью со студентами и — до того, что меня они уносят в квартиру на руках?.. А ведь нашелся какой-то негодяй (а, может быть, и не один) из тех антониевских приятелей — паразитов, которыми Почаевская Лавра кишмя-кишит и которые, подделываясь к Антонию, не задумываются сочинять разные небылицы, лишь бы угадать в тон своему гостел. 32 об. приимному покровителю. || А он принимает все это за чистую монету и решается докладывать в «комиссиях» и всюду распространять, а затем на основании этих «студенческих» сплетен даже решать всю судьбу человека, служившего верой и правдой своей родной Академии 17 лет,

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

притом в такие тяжелые годы. И все это чего ради? — Единственно из личной мести за какое-то, якобы учиненное ему мной оскорбление. А я, право, до сих пор даже и не знаю, чем и когда мог его оскорбить так, что он из дружественного и всегда доброго ко мне вдруг стал враждебным и злым. Одно из двух: или на меня что-нибудь наклеветал наш Алексей (в этом он большой мастер и охотник), или он обиделся на меня за то, что я прекратил с ним переписку, которую мы вели с ним довольно долго по уходе его из нашей Академии. В последнем я действительно виноват. Но на это была причина, быть может, впрочем, и не основательная: он стал писать мне очень уж коротенькие письма (строк 5–6) и обозначать, что письмо писано в 1 ч. ночи, в 2 ч. ночи и т. д. Люди, близко стоявшие к нему, мне объяснили это тем, что он, очевидно, тяготится перепискою, и вот я счел за лучшее больше не писать ему, хотя телеграммы в знаменательные дни посылал ему, и он — также. А потом он вдруг перестал посылать мне телеграммы, — и это уже в ректорство настоящего нашего «бурбона». Два года || тому назад я получил от него мне одно письмо, в л. 33 котором он просил меня принять обратно в нашу Академию уволенного за пьянство студента Бурова, так как последний, будто бы, живя в Почаевской Лавре, уже излечился от своей болезни. Но письмо это было доставлено Буровым мне ровно через год после его написания, — так как Буров на пути в Казань запьянствовал и, заболев, пролежал почти год в одной из московских больниц, — и доставлено распечатанным и в таком истертом и грязном виде, что я почти ничего не мог в нем разобрать. Бурова же ректор прогнал и не велел ему и глаз показывать в Академию. Лишенный возможности что-нибудь сделать для Бурова, я ничего не ответил и Антонию. Это, вероятно, подлило масла в огонь, — и вот в результате я сам оказался вне стен родной Академии. И теперь, я думаю, Антоний, ворочающий всеми делами и членами Синода, едва ли допустит мой возврат в Академию, напротив, раз став на путь мести и незаконных средств, не остановится ни перед чем, чтобы настоять на своем; не постесняется, конечно, и в Синоде утверждать обо мне ту же ложь и клевету, пользуясь моей полной беззащитностью. Пусть даже Анастасий⁸² заявит о своем желании иметь меня инспектором (он, видимо, до-

⁸² Анастасий (в миру Александр Иванович Александров; 1861–1918), епископ — выпускник историко-филологического факультета Казанского университета (1883), приват-доцент сравнительного языковедения и санскрита Харьковского университета (1886–1888), профессор славянской филологии Казанского университета (1888–1911);

селе смущен тем, что отнял у меня место и готов как-нибудь вознаградить меня); пусть и Иаков сделает обо мне представление снова (он тоже ценит и жалеет меня), но Синод, руководимый Антонием и его приятелями — || Саблером и Сергием⁸³, — может, конечно, не уважить представления, тем паче, что они ненавидят Иакова, дерзнувшего вопросить Синод, как ему поступить ввиду явно незаконноправильных действий Совета Академии в позорном деле преподнесения докторства Антонию. Словом, я кругом в несчастьи и «нет мне помогающего». Только один Бог помощник и Заступник мой, и на Него-то вся моя надежда.

Живем теперь в скромненькой и не совсем удобной квартирке — на Пушкинской ул., в доме Молоствово́й (наш адрес). Сидим, правда, не без дела: я читаю две лекции в Академии и исполняю разные поручения Совета (сейчас читаю и редактирую магистерскую своего проф[ессорского] стипендиата), потом читаю одну лекцию по патрологии на Богословских женских курсах, служу в разных церквях; но все это бесплатно. Благо — пока есть кое-какие запасы. Но ведь источник не очень обильный и хватит его ненадолго, при скудной э[кстра]ординарной пенсии. Значит, *volens-nolens* нужно где-нибудь искать себе и платной — конечно, соответствующей сану и характеру — службы.

Из других профессоров временно согласились читать — до замены их намеченными стипендиатами только Юнгеров, Богословский, Курганов и Машанов⁸⁴; прочие же все наотрез отказались, и именно по нежеланию служить при настоящем ректоре — этом поистине «душетленном звере», с которым они не желают нигде даже встречаться (даже 8-го ноября ныне никто из них не был в Академии, и праздник у нас ныне по-

в 1910 г. принял монашество и священный сан; ординарный профессор КазДА по кафедре истории славянских и Румынской Церквей (1910–1911), по кафедре церковнославянского и русского языков и палеографии (1911–1913); доктор церковной истории (1911). С 1912 г. ректор КазДА в сане епископа Чистопольского, викария Казанской епархии; с 1913 г. ректор СПбДА (ПгДА) духовной академии в сане епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской (Петроградской) епархии.

⁸³ Саблер (Десятковский) Владимир Карлович (1845–1929), обер-прокурор Святейшего Синода (1911–1915).

Сергий (Страгородский) Иван Николаевич; 1867–1944), архиепископ Финляндский и Выборгский, член Святейшего Синода с 06.05.1911 и до его упразднения.

⁸⁴ Машанов Михаил Александрович (1852–1924) — выпускник (1876) и профессор КазДА по кафедре арабского языка и истории и обличения мухаммеданства; магистр богословия (1885).

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

ходил на какую-то тризну). А наш ректор, не получая якобы обещанного ему летом назначения, положительно сбесился и бросается на всех как злая собака. Между прочим, последнее время бросился на монахов: отругал в аудитории при студентах э[кстра]ординарного проф[ессора] иером[онаха] Гурия⁸⁵, потом в алтаре отругал иером[онаха] Евсевия (и. д. доцента)⁸⁶ || «негодяем» и лишив служения Литургии только за то, что тот не хо- л. 30 тел принять на себя звания ключаря акад[емической] церкви; студента иерод[иакона] Вениамина обругал «мужиком, негодяем, мерзавцем» и гнал из Академии за какие-то пустяки; тот, впрочем, подал жалобу архиепископу, и неизвестно, чем дело кончится. В Казани положительно все изумляются несносному и дикому нраву Алексия и усердно молятся, чтобы Господь поскорее взял его куда-нибудь.

Но довольно. Пиши поскорее. Нижайший поклон тебе шлет Р[аиса] Никандровна и от нас обоих — незабвенной Анастасии Ивановне.

Твой неизменный друг протоиерей Н. Виноградов.

№ 18 от 25 мая 1912 г. Казань. Л. 34–35 об.

Дорогой и любезнейший друг, Алексей Афанасьевич!

л. 34

Еще раз приношу тебе и глубокочтимейшей Анастасии Ивановне мою искреннюю и сердечную благодарность за дружеский Ваш прием, спокойствие, руководство и всякие иные удобства, какими я был окружен, будучи Вашим гостем. Простите, если волею или неволею причинил вам какие-либо беспокойства или нарушил ваше обычное «благодарственное и мирное житие».

⁸⁵ Гурий (Степанов Алексей Иванович; 1880–1937), архиепископ — выпускник (1906) и преподаватель КазДА по кафедре калмыцкого языка; в 1905 г. принял постриг; инспектор академии (1912) в сане архимандрита; доктор церковной истории (1916) и ординарный профессор по кафедре миссионерских предметов противобуддистского направления. В дальнейшем епископ Алатырский, викарий Симбирской епархии (1920); архиепископ Иркутский (1924); неоднократно арестовывался и отбывал ссылки, расстрелян.

⁸⁶ Евсевий (Рождественский Евгений Петрович; 1886–1937), архиепископ — выпускник (1911) и преподаватель КазДА по кафедре Священного Писания Ветхого Завета; в 1908 г. принял постриг; с 1917 г. пребывал в Даниловом монастыре в Москве. В дальнейшем епископ Яранский, викарий Вятской епархии (1920); епископ Уржумский, викарий той же епархии (1921); епископ Ейский, викарий Кубанской епархии (1922); епископ Читинский (1926); с 1930 г. Читинский и Забайкальский; архиепископ Шадринский (1930); неоднократно арестовывался и отбывал ссылки, расстрелян.

Расставшись с вами, я попал именно на тот поезд, который отходя
л. 34 об. из Петербурга в 8 ½ часа вечера, идет в Нижний ровно || сутки и без пересадки в Москве; нужно только брать билеты на него за сутки, даже больше ранее; я уже не застал билеты II класса, а потому поехал в I классе; зато один в купе и с полным удобством. В Нижний этот поезд приходит, правда, в 9-м часу вечера, когда лучших пароходов вниз не бывает, но зато можно на любой сесть с вечера на Сибирской пристани и, переночевав на нем, на другой день ехать вниз по матушке Волге. Публики сейчас было еще немного, но с июня движение усилится. Пишу сие к сведению на случай вашего предполагаемого путешествия.

Дома все нашел в благополучии. Только старушка-пенсионерка без меня прихворнула немножко, а за нею и горничная. Теперь ту же оче-
л. 35 редь отбывает Раиса Никандровна, — || горло что-то заболело, вероятно, где-нибудь — надуло вечером. Привезенными мною подарками все остались весьма довольны. Раиса Никандровна выражает особую благодарность Анастасии Ивановне за умелый выбор изящной кофточки, а также и за материю на платье и за зонтик, словом, — угодил всем. Обе именинницы (Юлия Никандровна⁸⁷ и бабушка-пенсионерка) от радости вне себя. Теперь несколько слов по поводу предложения твоего, Алексей Аф[анасьевич], Юлии Никандровне насчет места учительницы на Востоке. Сверх всякого чаяния, она, оказывается, не прочь туда ехать на службу. Только ей хотелось бы получить сейчас сведения поподробнее и определеннее. Она спрашивает: 1) в каком именно месте ей придется служить; 2) какая школа — мужская или женская; 3) на каком языке
л. 35 об. преподавать; 4) какое жалованье; 5) будет ли пенсия и — || какая; 6) на какой счет и когда именно придется ехать; 7) куда и на чье имя подавать прошение. Вот эти и другие необходимые сведения потрудись на досуге сообщить мне для передачи ей, не скрывая ни удобства, ни неудобства предлагаемой службы. 28-летний педагогический опыт, трудоспособность, усердие, благочестие, стяжавшие ей в Казани название «святой женщины», чудный характер с необычайным терпением и выдержанностью и многие другие добродетели, — вот аттестация, какую я могу дать ей от себя.

Твои книжки мною переданы по назначению. Всем, и все тебе за них шлют поклоны и глубокую благодарность. Вероятно, второпях за-

⁸⁷ Переверзева Юлия Никандровна — сестра супруги протоиерея Николая.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

был ты послать еще В. А. Нарбекову⁸⁸, а он, видимо, ожидал и остался недоволен, «обойденный тобой». Пришли уже и ему — одним недоброжелателем будет меньше. Кстати: сочинение о. Лисицына ты отметил, а «приложение»-то у меня осталось, презентованное тебе; не переменить ли? Затем: сколько сидел и беседовал я с тобой, а все забывал попросить тебя дать мне полный перечень твоих ученых трудов; пока состою членом Совета Академии, хочу непременно добиться — избрать тебя почетным членом родной нашей Академии; а для этого нужно приготовить основательно мотивированное представление.

Что еще написать? Дело о дополнительном || к пенсии пособии л. 34 мне сегодня из Казани двинуто архиепископом в Петербург. Жаль, что ты скоро уезжаешь, и некому сообщить мне о судьбе этого дела. Что делать? — Подожду. А если решится при тебе еще, — черкни.

Теперь до свидания.

Наш общий нижайший поклон тебе и доброуважаемой твоей супруге. Ждем к себе. Твой неизменный друг благодарный протоиерей Н. Виноградов.

№ 19 от 14 марта 1914 г. Казань. Л. 36–37 об.

Дорогой и любезнейший друг, Алексей Афанасьевич!

л. 36

От всей души поздравляю тебя с днем Ангела и молитвенно желаю тебе от Господа всяческих благ в твоей трудовой жизни и успехов в неутомимой работе. К этому привету и пожеланию вполне присоединяется Раиса Никандровна. Оба мы низко кланяемся и сердечно приветствуем Анастасию Ивановну с дражайшим именинником.

Как поживаешь? Теперь мне совсем не от козь знает о тебе, с изменением в традиционном именинном письме, в каких, бывало, сообщал ты о себе и новостях текущей жизни, и заменившем его лаконичную телеграмму, из которой можно знать только то, что ты еще жив. Разве || уже нет у тебя и одного часа в году для краткой дружеской беседы? л. 36 об. А я вот, видишь ты, не забываю 17-е марта, и при своих девяти — хотя и бесплатных — должностях, поглощающих у меня дни и ночи, пишу тебе.

О себе скажу, что жив, здоров и работаю «во вся», пока Бог дает силы и здоровье. В Академии весь этот год читаю все лекции по лат[инскому]

⁸⁸ Нарбеков Василий Андреевич (1863 — после 1925) — выпускник (1887) и профессор КазДА по кафедре церковной археологии и литургики; доктор церковного права (1899).

языку один и исполняю всякие поручения Совета и архиепископа. Мой стипендиат (Лебедев) работал у Вас в Петербурге под руководством профессоров-филологов и вернется в Казань уже после Пасхи⁸⁹. Радуюсь, что работа его идет, — если верить его сообщениям, — весьма продуктивно, и он вернется в Академию с большим запасом знаний и ученого материала по нашей специальности. || Как-нибудь нужно будет его провести на лат[инскую] кафедру в нашей Академии, хотя есть некоторые основания к опасению за его постоянство. Ведь он — специалист собственно по русской истории и магистерскую пишет по этой науке; лат[инский] же язык ему навязало наше начальство, желая оставить его в Академии, как отличного юношу, подающего якобы надежды на принятие «монашества». Я же дал свое согласие лишь вследствие полного отсутствия готовых кандидатов на лат[инскую] кафедру после того, как мой бывший стипендиат Мотрохин так безжалостно и бессовестно был оклеветан и устранен от занятия кафедры пресловутым ректором Алексием (Дородницыным)⁹⁰. Впрочем, посмотрим, что будет. Теперь же до 15 августа на своей кафедре фигурирую л. 37 об. я, || с доцентским вознаграждением. Сие последнее, конечно, упразднится с назначением штатным преподавателем теперешнего стипендиата, и я снова останусь при печальном интересе. А жизнь дорожает и дорожает. Придется еще и еще подсократить свой бюджет, пока до получения какой-либо благодати. Все обещают, но ничего не дают, воображают, что можно существовать и на одних обещаниях. Пока не думаю оставлять Казани и подожду,

⁸⁹ Лебедев Александр Васильевич (1888–1937), протоиерей — выпускник Самарской ДС (1909) и КазДА (1913); был оставлен профессорским стипендиатом при кафедре латинского языка, по окончании стипендиатского года — и. д. доцента при той же кафедре; в 1916 г. принял священный сан, назначен священником Казанско-Богородицкого женского монастыря; в 1916 г. перешел на кафедру патологии. В 1921 г. арестован по групповому делу преподавателей КазДА; после освобождения служил в казанском Петропавловском соборе, с 1930 г. в сане протоиерея. В 1932 г. был назначен ключарем Богоявленского собора в Дорогомилове, затем — управляющим делами Патриаршего Синода. В апреле 1937 г. был арестован, в день Преображения Господня того же года расстрелян. Посмертно реабилитирован в 1957 г.

⁹⁰ Мотрохин Александр Александрович — выпускник КазДА (1910); был оставлен профессорским стипендиатом при кафедре латинского языка; по окончании стипендиатского года не оставлен на кафедре преемником протоиерея Николая, а назначен преподавателем Холмской ДС; в 1912 г. магистр богословия (дисс.: «Творение св. Амвросия Медиоланского “De officiis ministrorum” в его отношении к сочинению Цицерона “De officiis”. Казань, 1912»).

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

не выпадет ли здесь подходящего места с возможностью читать лекции и в Академии (хотя бы и бесплатно). Архиепископ волынский не перестает утешать меня обещаниями. Но, кажется, он теперь едва ли имеет где силу, кроме своей Волыни. Впрочем, в газетах промелькнуло известие об его кандидатуре на Киевскую митрополию на место якобы уходящего на покой Флавиана. Но что он мог бы дать мне «подходящего» в Киеве?.. Другое дело — Москва или Петербург. Но там все хорошие места «не моей душе».

В Академии нашей похвалиться нечем. Между ректором и инспектором — открытая вражда, между студентами светскими и монахами — тоже, между профессорами дружбы и согласия нет; все живут теперь врозь и знакомства ведут по 2 и 3 семейства. || Прежняя «семейная» л. 36 жизнь уходит в область преданий. В делах официальных — постоянные споры и ссоры, недоверие друг к другу, подозрения — на каждом шагу. Вина всему, кажется, — инспектор Гурий, монах-фанатик, лестолюбец и властолюбец, старающийся всех настроить и вооружить против своего соперника — ректора. Последний же, нужно отдать ему справедливость, человек беспристрастный, прямой и справедливый.

Ну, пока довольно. Всего лучшего!

Твой неизменный друг, протоиерей Н. Виноградов.

PS. Группа наших благочестивых студентов собирается вместе с киевскими студентами спутешествовать ныне в Иерусалим⁹¹. Обратились за пособием, между прочим, в Палестинское общество. Посодействуйте: они заслуживают.

№ 20 от 15 марта 1915 г. Казань. Л. 38–39 об.

Дорогой и любезнейший друг, Алексей Афанасьевич!

л. 38

От всей души я и Раиса Никандровна поздравляем тебя с днем Ангела и желаем тебе всех благ от Всещедрого Подателя их.

⁹¹ Речь идет о паломнической поездке на Афон, в Грецию, Палестину и Александрию, совершенной летом 1914 г. студентами всех четырех духовных академий во главе с киевским протоиереем Михаилом Едлинским и помощником инспектора КДА Д. В. Гороховым (о подготовке к паломничеству в КазДА: НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11220. Об экскурсии студентов в Палестину. 24 апреля — 24 июня 1914 г.).

А. А. Дмитриевский помог студентам получить в этом путешествии помощь ИППО (см. отчет о паломничестве Д. В. Горохова: Паломничество на православный Восток студентов духовных академий летом 1914 г. / публ., вступ. ст. и прим. Н. Ю. Суховой // Православный Палестинский сборник. Вып. 109. М., 2014. С. 189–218).

Любезнейшую Анастасию Ивановну поздравляем с дражайшим именинником при тожественных искреннейших наших пожеланиях.

Живем по-старому, вновь хорошего — ничего, кроме разве полученного накопления новых — конечно, бесплатных — должностей, которых у меня уже набралось около десятка. После горькой обиды со л. 38 об. стороны Синода по поводу || известных моих хлопот за пособие за каторжную службу в должности инспектора Академии, мне уже не хочется обращаться в этот ареопаг с какими бы то ни было просьбами, чтобы вновь не сделаться жертвой обмана. Пусть уже пропадает моя 17-летняя тяжелая служба, унесшая у меня столько сил и здоровья. В нашем ведомстве такая оценка тружеников — дело совершенно обычное. Виновников тут не найдешь. Посему лучше всего предоставить все суду и воле Божией. Мест себе тоже не ищу. И так живу на одной урезанной пенсии, из которой приходится и еще урезывать на разные комитеты, общества, канцелярские расходы, содержание родных сирот и т. п. Если бы не стал л. 39 рый кое-какой «жир», то частенько приходилось || бы «класть зубы на полку». Как бы то ни было, такое положение долго тянуться не может; нужда, вероятно, заставит взять какую-либо платную должность. Вероятно, в недалеком будущем в Казани откроется одно из двух мест — или в кафедр[альном] Соборе, или в Каз[анском] монастыре, — вот это обстоятельство выручит меня из теперешнего критического положения.

Но вот опять какая беда. Из Петрограда идут слухи, что нашего маститого святителя Иакова, как якобы уже престарелого, больного и бездеятельного, хотят убраться на покой⁹², — хотя по всей справедливости нужно сказать, на самом деле он еще далеко и не стар, теперь совершен- л. 39 об. но здоров и бодр и работает ничуть не менее наших || молодых архиереев, — и на его место усилено хлопочут два владыки — Владимирский Алексей и Пензенский Владимир⁹³; ни тот, ни другой из них не желате-

⁹² Преосвященный Иаков (Пятницкий) не был отправлен на покой, а оставался на Казанской кафедре до 1918 г.

⁹³ Алексей (Дородницын Анемподист Яковлевич; 1859–1919), архиепископ — выпускник Екатеринославской ДС (1881) и МДА (1885), учитель в Херсонском ДУ (1886) и миссионер Херсонской епархии (1890); магистр богословия (1891); иеромонах (1902) и инспектор Ставропольской ДС (1902); ректор Литовской ДС в сане архимандрита (1903). В 1904 г. хиротонисан во епископа Сумского, викария Харьковской епархии; с 1905 г. епископ Елисаветградский, викарий Херсонской епархии, в том же году епископ Чистопольский, викарий Казанской епархии и ректор КазДА; с 1912 г. епископ

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

лен для Казани, особенно 1-й, хорошо известный нашей Академии и духовенству; но ведь Казань спрашивать не будут, а пришлют — и только. За Алексия будто бы хлопочет и наш губернатор, где-то успевший с ним познакомиться и им очароваться. Если это случится, то мне придется предпринять одно из двух: или бежать совсем из Казани, или, оставшись, отказаться от всякой деятельности и жить на «полном покое».

Но да сохранит Господь Казань от нашествия сего «сверх-человека» и жестокого епархиального бича.

Вот наши дела. Каковы ваши?

Как твое, А[лексей] Аф[анасьевич], здоровье? Что поделываешь сейчас или что проектируешь? Улучив минутку, черкнул бы нам хотя 5–6 строчек. Как бы мы были рады! Все же живешь у источника всяких новостей. А мы когда-то их еще дождемся.

До свидания! Твой неизменный друг протоиерей Н. Виноградов ||

PS. Наши академические старцы пока существуют, но видимо слабеют. П. В. Знаменский сидит все дома и еле-еле двигается. И. С. Бердников иногда показывается, но вид его малонадежен: сильно худеет, с трудом ходит, отек ног и плохая работа сердца. Я. А. Богородский⁹⁴ тоже все

Саратовский и Царицынский; с 1914 г. архиепископ Владимирский и Суздальский (с 1916 г. Владимирский и Шуйский). Весной 1917 г. уволен на покой; при поддержке Центральной Рады пытался захватить церковную власть в Киеве и объявить автокефалию на Украине, за непослушание священноначалию и нарушение канонов в январе 1918 г. извержен из сана.

Владимир (Пулята Всеволод Владимирович; 1869–1936 (1941)), епископ — дворянин, выпускник Демидовского юридического лицея (1891), Военной юридической академии (1897), офицер; выпускник КазДА (1901), иеромонах (1900); настоятель церкви при русском посольстве в Риме (1902) и Париже (1906) в сане архимандрита; магистр богословия (1906). В 1907 г. хиротонисан во епископа Кронштадтского, викария Санкт-Петербургской епархии; с 1911 г. епископ Омский и Павлодарский; с 1913 г. Полоцкий; с 1914 г. архиепископ Донской и Новочеркасский; с 1915 г. Пензенский. В марте 1917 г. отстранен от кафедры, в 1918 г. Поместным Собором лишен сана епископа. В дальнейшем был связан с ВЧК, в 1921 г. перешел в обновленчество, был назначен «архиепископом Саратовским», затем «Пензенским»; в 1926 г. самочинно объявил себя «архиепископом Уральским». В 1928 г., принеся келейное покаяние, был принят Временным Патриаршим Священным Синодом как монах; в 1934 г. присоединился к григорианскому расколу, был назначен «митрополитом Томским и всея Сибири», после чего был объявлен Священным Синодом «отпавшим от Святой Церкви и лишенным христианского погребения в случае нераскаянности», был в заключении.

⁹⁴ Богородский Яков Алексеевич (1841–1919) — выпускник (1868) и профессор КазДА

жалуется на немощи, редко где появляется и до крайности осторожен. У М. И. Богословского ослабело очень зрение, заниматься уже почти не может и тоже почти его не видно.

№ 21 от 14 марта 1916 г. Казань. Л. 40–41 об.

л. 40 Любезнейший и дорогой друг, Алексей Афанасьевич!

И от себя, и от Раисы Никандровны поздравляю тебя со днем Ангела и от всего сердца желаю тебе здоровья, благополучия и блестящих успехов в твоей неутомимой и плодотворной деятельности.

Не знаю, дошли ли до тебя сведения о перемене в моем положении. На всякий случай сообщу тебе об этом сейчас. С 8-го июля минувшего года я получил настоятельское место при соборе Казанского женского монастыря (после смерти прот. А. Ф. Зеленецкого⁹⁵). Итак, четырехлетним моим мытарствам, уготованным мне Синодом, печальной памяти состава и незабвенным злохудожным ректором Академии Алексием, ||

л. 40 об. положен конец; я получил назначение, по поводу которого могу сказать: «теперь я на месте». Оно утешило меня, вознаградило за все претерпенное и придало энергии в дальнейшей работе. Главное, что меня ободряет, это — общее желание всех казанцев — начиная с архиепископа и кончая последней бабой-боголюбкой — видеть на этом месте именно меня. Да и я сам лучшего и более подходящего мне места в Казани не нахожу, а уезжать из Казани — второй моей родины — мне ужасно не хочется. Словом — я теперь в своей сфере. Служи — сколько хочешь и когда хочешь, молись — беспрепятственно и досыта. Работы в монастыре довольно: службы по воскресным и праздничным (даже малым) дням, акафисты, проповеди, — все это поглощает массу времени, и для отдыха остается у меня часто не более двух-трех часов в сутки. Зато какое утешение ви-

л. 41 деть почти всегда || полный собор богомольцев! Приходится также уделять время и на благоустройство клира. Не скажу — много, а все же есть кое-какие дефициты в поведении клириков, блязнящие строгих богомольцев. Конечно, вдруг всего не исправишь, особенно без крутых мер,

по кафедре библейской истории; доктор богословия (1884).

⁹⁵ Зеленецкий Александр Федорович († 29.05.1915), протоиерей — выпускник Тамбовской ДС (1864) и КазДА (1868); преподаватель, инспектор (1880–1900), ректор (1900–1905) Казанской ДС, священник кафедрального Благовещенского собора; настоятель собора Казанской иконы Божией Матери Казанско-Богородицкого монастыря (1905–1915).

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

сторонником каковых я никогда не был. Со стороны монастыря, кроме полного сочувствия, уважения и услужливости, пока не вижу ничего, так что нет ни малейшего основания усомниться в искренности сделанного мне при моем поступлении заявления о том, что видеть меня настоятелем собора было общим и единственным делом монахинь во главе с игуменией.

Поступив в монастырь, я не бросил и Академии. По-прежнему читаю по 2 лекции в неделю и поддерживаю с Академией самую живую связь; иногда даже служу там в храме в удовлетворении желания ректора, || профессоров и студентов. Последние своим приглашением меня на л. 41 об. служение, конечно, подчеркивают свою нелюбовь к их теперешнему инспектору⁹⁶. Да и есть за что не любить этого иезуита! Своим непомерным самолюбием, честолюбием и лукавством он много натворил зла в Академии. Постоянное пикирование с ректором и игнорирование последнего, настойчивое проведение своих монашеских тенденций, безудачное хозяйничанье в устройстве монахов-бездарностей на академических кафедрах, вопреки желаниям Совета, нахальство в деле получения им докторства и т. п. — все это сильно волнует Совет и студентов; а сделать против этого нельзя ничего. Наш о. Гурий заручился поддержкой сильного властелина в Синоде — Сергия Финляндского⁹⁷, постоянно к нему таскается и т[аким] о[бразом] обдeldывает свои делишки. Всунул одного монаха — Иону — на Св[ященное] Писание, теперь то же хочет сделать с кафедрой литургики, — посадить при помощи Сергия другого монаха — Софрония, это поразительное убожество⁹⁸. Удивительная бес-

⁹⁶ Архимандрит Гурий (Степанов).

⁹⁷ Архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский) в 1913–1917 гг. занимал должность председателя Учебного комитета при Святейшем Синоде.

⁹⁸ Иона (Покровский Владимир Ильич; 1888–1925), епископ — выпускник Калужской ДС (1909) и КазДА (1914), принял монашество и священный сан в 1912 г. Был оставлен приват-доцентом по кафедре Священного Писания, но после начала Первой мировой войны стал военным священником. В начале 1918 г. вернулся в Казань, был арестован большевиками, освобожден белогвардейцами. Эмигрировал в Китай; в 1922 г. хиротонисан во епископа Тяньзиньского, с 1925 г. титуловался епископом Ханькоуским. В 1996 г. прославлен Русской Зарубежной Церковью.

Софроний (Сретенский Сергей Яковлевич), иеромонах — выпускник Орловской ДС (1910) и КазДА (1914), принял монашество и священный сан в 1913 г. Был оставлен на два года профессорским стипендиатом при кафедре пастырского богословия с аскетикой; участник Съезда ученого монашества 1917 г.

тактность со стороны Сергия — слушать одного и игнорировать целый Совет. Ведь что получится в конце концов?!..

Наши профессора — старцы един по единому перебираются на тот свет. Не стало М. И. Богословского и И. С. Бердникова: довольно скоро и почти неожиданно отошли они в вечность, — хотя И[лья] Степанович начал собираться еще в прошлом году. Недавно скончался и С. А. Терновский, успевший, правда, задолго сделать подробные распоряжения касательно своего имущества и погребения. Ну, он буквально таял: от слабости сердца умирал несколько раз, но последние дни как-то опять || л. 40 вспыхнул и даже «сыграл в картишки» и умер почти на ногах. Деньжонки оставил, кроме дома, около 30 тысяч, но на стипендию в Академию дал лишь 1000 р., а остальные 6–7 тысяч пусть, де, изобретают сами. Подписка, впрочем, идет, и собрано всего до 3-х тысяч. Остальные наши друзья-старцы, слава Богу, здравствуют.

Пока довольно. Наш нижайший поклон и привет Анастасии Ивановне. Всего лучшего.

Твой неизменный друг протоиерей Н. Виноградов.

№ 22 от 12 (25) марта 1925 г. Казань. Л. 42–43 об.

л. 42 Дорогой и любезнейший друг, Алексей Афанасьевич!

Сердечно благодарю тебя за привет к 6-му декабря. Теперь прими и от меня и Раисы Никандровны искреннейшее поздравление с днем твоего Ангела при молитвенном нашем пожелании тебе еще многих лет жизни в добром здоровье и неизменном благополучии.

Наконец-то ты «объявился». А я совсем терял всякую надежду видеть тебя и беседовать с тобой. Несмотря на все старания узнать, где ты и что с тобой, ни от кого не мог добиться этого: кто говорил — в Ленинграде, кто — в Астрахани. И теперь не знаю, где ты пребывал последние 7 лет. Из письма твоего узнал только о настоящем твоём бытии. л. 42 об. Скромненько же приходится тебе жить, хотя || ты и мог бы устроиться и получше. Но я рад, что ты не прельстился предложениями «живоцерковцев». При скромных ресурсах материальных, ты продолжаешь «двигать науку» и не бросаешь своей специальности. Это делает тебе великую честь, особенно в нынешнем «материальном веке».

Скромно живем и мы. При взятии Казани красными пострадала наша квартира: снарядами было выбито до 60 стекол. Пришлось спа-

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

саться в самом монастыре. В одну ночь разграблена наша квартира, причем унесено было все лучшее белье, одежда, обувь и пр.; оставлены лишь иконы, книги, посуда и мебель, из последней лучшие вещи были разбиты. Вернувшись в свою квартиру, мы могли занять лишь три маленьких комнатки, в которых ютимся и сейчас, взяв по одной комнате с Р[аисой] Никандровной и уступив одну Юлии Никандр[овне], которая с 1918 г. живет с нами, получая с настоящего || года 8 руб. пенсии за свою л. 43 честную 40-летнюю учительскую службу... При уплотнении квартир не остались пустыми и 4 свободных комнаты в нашей квартире: 2 семьи в 8 человек занимают их; люди, правда, неплохие, но все же иногда нарушают тишину и спокойствие. Голодные годы и дороговизна жизни, конечно, неблагоприятно отразились на нашем благосостоянии: пришлось продать немало ценных вещей и прожить. Ведь приходилось и теперь приходится жить исключительно на монастырские доходы с церковных треб (монастырь, отказавшись от своего дома для духовенства, теперь не дает нам ни квартир, ни пособия); на доходы эти можно было бы жить, но налоги, ремонт и содержание дома, квартирная плата, разные сборы и т. п. крайне обременяют нашу жизнь. Богословский институт, хотя и не закрыт, но уже 2-й год не функционирует за неимением средств. || Деньги поступали чрез Епарх[иальное] управление, а это по л. 43 об. следнее, как «обновленческое», конечно, не благоволит «Тихоновским» учреждениям и всячески тормозит в целом поступлений.

Профессора не прочь бы читать лекции и gratis, да ведь деньги нужны и на отопление, и на освещение, и на прислугу. Вот и существует наш Институт только на бумаге. О профессорах нужно сказать, что и они кое-как влчат свое существование. Самый старший — Машанов, живет у своего зятя в Зеленом доле (верст в 35 от Казани), ничем не занимается; домик его в Казани отобрали. Царевский «сокрушен» и только временно перебивался на советской службе. Несмелов, Нарбеков и другие сидят без места и бедствуют. На службе советской удержались как-то только Керенский⁹⁹ и Пономарев¹⁰⁰, да И. М. Покровский занимает пост пом[ощника] заведующего академической библиотекой, которая теперь присоединена к библио-

⁹⁹ Керенский Владимир Александрович (1868 — после 1925) — выпускник (1893) и профессор КазДА по кафедре истории и разбора западных исповеданий; доктор богословия (1904).

¹⁰⁰ Пономарев Павел Петрович (1872 — после 1925) — выпускник (1897) и профессор КазДА по кафедре догматического богословия; доктор богословия (1909).

теке университетской в качестве архивного отдела последней. Ф. И. Троицкий уже умер¹⁰¹. Умер Л. Писарев, бежавший в Сибирь¹⁰². Умер проф[ессор] Катанов (монгол)¹⁰³. Педагог Дружинин ушел в с. Высокую Гору (18 в. от Казани) во священника¹⁰⁴, Никольский (по нравств[енному] богословию) уехал в Нижний¹⁰⁵. Григорьев (апологет) ушел в с. Звениговский Затон, в преподаватели советской школы 2-й ступени¹⁰⁶. Вот как рассортировались наши профессора. О молодых доцентах не пишу потому, что ты их не знаешь. О научных занятиях теперь и речи быть не может — не до них.

Остается сказать о других казанских знакомых. Живы и здравствуют М. Н. Ивановская «со чады»¹⁰⁷, Е. С. Заблоцкая (сильно скорбит об отнятии у нее дома и поступила заведующей прачечной при студ[енческом] общежитии)¹⁰⁸, Н. М. Красносельцева¹⁰⁹ живет у А. Я. Бо-

¹⁰¹ Троицкий Федор Иванович (1850–1924) — выпускник Симбирской ДС и вольнослушатель КазДА (1879–1883); помощник библиотекаря (1879–1883) и библиотекарь (1883) академии.

¹⁰² Писарев Леонид Иванович (1865 — между 1918 и 1925) — выпускник (1890) и профессор КазДА по кафедре патристики (с 1910 патрологии); доктор церковной истории (1915). В 1918 г. бежал из Казани вместе с белочехами.

¹⁰³ Катанов Николай Федорович (1862–1922) — выпускник факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета (1888), профессор Казанского университета (1894), доктор сравнительного языкознания по совокупности трудов (1907); профессор КазДА (1911–1917); в 1919 г. был избран профессором Казанского университета.

¹⁰⁴ Дружинин Александр Иванович (1865 — после 1925), священник — выпускник (1890) и доцент КазДА по кафедре педагогики; магистр богословия (1901).

¹⁰⁵ Никольский Владимир Александрович (1870 — после 1925) — выпускник (1897) и доцент КазДА по кафедре нравственного богословия; магистр богословия (1901).

¹⁰⁶ Григорьев Константин Григорьевич (1875 — после 1925) — выпускник (1901) и доцент КазДА по кафедре основного богословия; магистр богословия (1905).

¹⁰⁷ Ивановская Мария Николаевна (1850–1935) — вдова профессора КазДА Николая Ивановича Ивановского (1840–1913). В их семье было пять сыновей (Михаил, Евгений, Николай, Кирилл, Владимир), три дочери (София, Надежда, Елизавета) и еще дочь Н. И. Ивановского от первого брака Вера. В 1918 г. все сыновья бежали из Казани в Сибирь; к 1925 г. в Казани оставались Вера [Афанасьева], София [Чумакова], Надежда [Ливанова] и Елизавета [Ушакова] со своими семьями (см.: *Любомудров А.* Род Ивановских в XX веке. Лица и судьбы. Взгляд на одну фотографию // Казань. 2013. № 10. С. 48–61).

¹⁰⁸ Заблоцкая Екатерина Сергеевна — вдова Адама Ефимовича Заблоцкого, сотрудника академии 1870–1883 гг. (письмоводителя, помощника секретаря, библиотекаря).

¹⁰⁹ Красносельцева Надежда Михайловна (1854–1928) — вдова профессора Н. Ф. Красносельцева.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

городского¹¹⁰. А вот что сделалось с этим «благовоспитанным юношей»? После смерти Я[кова] Алексеевича разошелся со своей женой, бросил семью и теперь живет «с другою»... Нарбекова жива, но очень плоха, — в последней стадии чахотки. А. А. Красина умерла.

Этими известиями я и закончу свое письмо. Низкий поклон тебе шлет Р[аиса] Никандровна. За последнее время она что-то стала прихварывать. У ней, можно сказать, 100 болезней: что ни доктор, то другая болезнь, лечиться перестает. ||

До свиданья! Всего тебе хорошего. Будем питать надежду свидеться летом в Казани при благоприятных условиях. Если раздобришься на письмо, то пиши по адресу: Казань, Большая Казанская ул., д. 10, кв. 1, прот[оиерею] такому-то.

Душевно преданный протоиерей Н. Виноградов.

№ 23 от 23 октября (5 ноября) 1925 г. Казань. Л. 44–45 об.

Любезнейший и дорогой Алексей Афанасьевич.

л. 44

Тысячу раз извиняюсь пред тобой за свою преступную неаккуратность: до сих пор не мог собраться ответить на твое письмо от 30 апреля. Сначала ждал твоего приезда в Астрахань, чтобы наговориться с тобой при личном свидании. Но свидание не состоялось. Потом ждал твоего обратного проезда в Петроград. Но и тут ничего не получилось. Пришлось пока ограничиться посылкою тебе поклона и кое-какими сведениями о нашем житии-бытии с Андреем Петровичем¹¹¹. Теперь, наконец, беру перо для беседы с тобой.

Прежде всего, горячо благодарю тебя за твое любезное и интересное письмо и твои книги, переданные с А. П. Тольским. С удовольствием

¹¹⁰ Богородский Алексей Яковлевич (1870–1943) — сын профессора КазДА Якова Алексеевича Богородского, учился на юридическом, затем на физико-математическом факультете Казанского университета, специализировался по химии; с 1898 г. лаборант при кафедре неорганической химии, магистр (1905); профессор Казанского университета (1912), заведующий кафедрой неорганической химии (1919); заслуженный деятель науки и техники ТАСС (1940).

¹¹¹ Тольский Андрей Петрович (1874–1942) — выпускник Петербургского лесного института (1897), лесничий Борового опытного лесничества (1900–1907); профессор кафедры лесных культур Ново-Александровского института сельского хозяйства и лесоводства в Харькове (1917–1922); профессор Казанского института сельского хозяйства и лесоводства, заведующий кафедрой лесных культур (1925–1941).

л. 44 об. письмо твое прочитал и плоды ученых трудов твоих рассмотрел. || Радуюсь твоей неутомимой ученой энергии и скорблю о затишье в нашей казанской богословской науке. Но что станете делать при настоящих условиях жизни? Даже обновленцы всячески тормозят в нашей церковной жизни: угрожают, отнимают, выселяют... Отняли кафедральный собор, но сберечь не сумели: в короткое время несколько раз его обокрали, причем даже ободрали серебряные доски у раки св. Гурия. Не так давно сделали попытку отнять у нас и женский монастырь, но, к нашему счастью, потерпели неудачу. Теперь, когда им не удалось нас увлечь на свой «3-й поместный собор», отношения наши еще больше обострились: чего-чего они только не измышляют, чтобы нас стереть с лица земли?! Однако ж народ не идет за ними, напротив, сильно озлобляется. Но оставим их и перейдем к себе.

Живем тихо и мирно. Моя служба вся сосредоточена в монастыре. Работы немало, особенно с тех пор, как мои достопочтенные сослуживцы взвалили на меня неудобноносимое бремя очередной недели. Конечно, мог я отказаться от нее, но не захотел затевать тяжб и ссор. И вот теперь служу наряду с моими сослуживцами и доход получаю наряду с ними. К сожалению, доход сократился с прошлого года, когда наше обновленческое Епархиальное управление стало чинить препятствия к устройству ходов с Казанской иконой в городе и по уездам. Ну да это ничего: тянемся кое-как.

л. 45 Следовало бы монастырю прийти к нам на помощь, но он и сам || оскудел и не может дать нам ни квартир, ни дров. Сам я чувствую себя ничего, но Раиса Никандровна несколько прихварывает: малокровие, нервное расстройство и головные боли страшно изнуряют и ослабляют ее; а главное, при отсутствии всяких служебных занятий скучает она. Развлечений нет никаких. Члены академической корпорации живут врозь и весьма редко видятся. При дороговизне жизни и ограниченности средств именины не справляются и вечера никакие не устраиваются. Вот и живем одними воспоминаниями о веселом прошлом и надеемся на лучшее будущее... Между тем из корпорации один за другим исчезают. 20 июля скончалась от чахотки жена Нарбекова. Бедный Василий Андреевич, лишившийся двух дочерей, жены и одного из сыновей (без вести пропавшего в Сибири), теперь остался с двумя дочерьми и сыном, и бедствует, не имея никакого заработка.

Интересуешься судьбой Поповых¹¹². Ольга Ив[ановна] теперь согбенная старушка, скромно живет в академической слободке при 2-х сыно-

¹¹² Вдовы и детей однокурсника А. А. Дмитриевского по КазДА А. В. Попова —

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

вьях, из которых один служит преподавателем в школе 2-й ступени, а другой — в статистическом управлении; одна дочь замужем за бывшим преподавателем Уфимской семинарии — Песчанским, другая (Екатерина) — в прошлом году умерла у нас в монастыре монахиней Валентиной, третья еще раньше также умерла. Твои землячки — Петровы — живут в Казани; одна из них — Александра — живет на пенсию, другая — Екатерина служит учительницей и получает половинную пенсию. Мать их уже умерла. ||

Осталось сказать о Над[ежде] Мих[айловне] Красносельцевой. Она л. 45 об. живет в семье Богородских, но, к сожалению, прихварывает болезнью сердца. Ей приходится переживать столь грустную историю, которую ни она, ни мы не ожидали. Ее любимый «птенчик» — Алеша Богородский — по смерти Я[кова] Алексеевича пустился в выпивку, познакомился с одной барышней, увлекся ею, потом развелся со своей законной женой, бросил детей и женился на той барышне. Что тут станете делать?

В заключение несколько слов о нашей Академии (здании). На «месте святом» (церкви) — клуб; в главном корпусе предположен «Татарский университет». Книги из библиотеки начинают развозиться: часть богословских книг уже увезена. О протесте или защите, конечно, не может быть и речи. Словом, разгром нашей *almae matris* идет и идет. Больно, но ничего не поделаешь.

Письмо это ты получишь, вероятно, пред отъездом Андрея Петровича в Казань. Ты не тяжел на подъем писать письма. Если у тебя есть что-нибудь, не поленись написать мне. А теперь пока до свидания!

Раиса Никандровна и Юлия Никандровна низко тебе кланяются при пожелании всего наилучшего. Очень хотелось бы и им повидаться с тобой и всласть побеседовать, и потому очень и очень жалеют и они, что свидание наше не состоялось. Будем ждать вестей от тебя с Андреем Петровичем — таким милым и добрым человеком.

Любящий и крепко целующий тебя твой старый друг протоиерей Н. Виноградов.

№ 24 от 13 (26) марта 1926 г. Казань. Л. 46–47 об.

л. 46 Дорогой и любезнейший друг, Алексей Афанасьевич!

Я и моя благоверная сердечно поздравляем тебя с днем Ангела и от всей души желаем тебе крепкого здоровья, благополучия и всяческих благ от Господа в твоей труженической жизни и плодотворной деятельности.

Живем скромненько, получаем маленько, лишь бы свести концы с концами. Работы по монастырю довольно, но пока справляемся. Обновленцы ведут подкопы и под нашу обитель, но пока безуспешно. А ведь они успели уже захватить Феодоровский и Ивановский монастыри и кафедральный собор. Последний не сумели удержать за собой: подобра-

л. 46 об. шиеся хулиганы обокрали собор и утащили даже || серебряные доски у раки мощей св. Гурия. Собор теперь запечатан, и гробница перенесена в Пятницкую церковь. Но и эта церковь, как и все другие обновленческие церкви, пустует. Надежду возлагают обновленцы на сельские церкви, которые они захватывают путем обмана темного люда, не понимающего разницу между старой и новой церквями. Явление все-таки печальное!..

Нового и для тебя интересного, при всем желании, сообщить тебе не нахожу. Академия наша продолжает бездействовать и стоит на точке замерзания. Татарский университет окончательно в ней водворился, и теперь там читаются в аудиториях лекции, а в большой академической церкви совершаются театральные и клубные операции. Часть

л. 47 библиотеки перенесена в главный || корпус. Единственный член нашей академической корпорации, имеющий свободный доступ в это «святылище» татарской науки, — это Ив[ан] Мих[айлович] Покровский, продолжающий состоять помощником заведующего библиотекой. С грустью, говорит он, приходится каждый раз посещать нашу *alma mater* и отдаваться воспоминаниям светлых былых времен; утешаться разве только тем, что Академия не превращена во что-нибудь худшее и стоит целой, неразбитой и неразрушенной, как это сделано, напр[имер], с 1-й гимназией и др[угими] заведениями. Сам Ив[ан] Мих[айлович] из тех весьма немногих счастливых профессоров Академии, которым удалось устроиться более или менее сносно: он и живет в своем доме,

л. 47 об. и должность занимает, правда, || с небольшим жалованьем (руб. 40), и семьей окружен приличной. Недавно (28 января) праздновал он «серебряную свадьбу», на которой присутствовали некоторые профессора Академии, в том числе, и я (как венчавший его) с Раисой Никандров-

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

ной, преосв[ященный] Афанасий¹¹³, который служил на дому молебен. Конечно, было немало разговоров и воспоминаний о прошлом, а во время ужина был распечатан флакончик с «горькой Английской», сохранившийся от свадьбы и теперь распитый гостями (можешь себе представить, с каким аппетитом?!!!) В числе гостей были, между прочим, и две сестры Петровы — Александра и Екатерина. Жалею, что с ними мне как-то не удалось поговорить; но на лица они цветущие. Вечер прошел довольно оживленно.

Писал бы я еще, но материала интересного нет. Будь здоров и благополучен. Нижайший поклон тебе от Раисы Никандровны и Юлии Никандровны.

Твой неизменный друг протоиерей Н. Виноградов.

№ 25 от 16 марта 1927 г. Казань. Л. 48–49 об.

л. 48 Дорогой и любезнейший друг, Алексей Афанасьевич!

Раиса Никандровна и я от всей души приветствуем тебя с днем Ангела и молитвенно тебе желаем крепчайшего здоровья, благоденствия и благополучия на многие годы.

Благодарим за сердечное твое письмо к 6-му декабря. Только не в 74-ю, а в 72-ю годовщину вступил я, ибо родился в 1855 году: прости за поправку... С большим удовольствием прочел я интересные сведения о церковной жизни в «матери градов» и у вас — «питерцев». Приходится нам жалеть и только; но что станешь делать? «Земля, господине, такава»... У нас в Казани «зло еще не так большой руки»: 5–6 церквей обновленческих, жаль только, что || в уездах обновленцы ловят на удочку темный люд.

Переходя к себе, я должен сказать, что и здесь обстоятельства не блестящи. Прежде всего, 8-го ноября, в день академического праздника,

¹¹³ Афанасий (Малинин Александр Антонович; 1884–1939), архиепископ — выпускник Пермской ДС (1904) и КазДА (1908), в 1909 г. принял монашество; с 1910 г. и. д. доцента родной академии по кафедре пастырского богословия с аскетикой и гомилетики, с 1913 г. по кафедре церковно-славянского и русского языка с палеографией. В 1916–1918 гг. настоятель Казанского Иоанно-Предтеченского монастыря в сане архимандрита. В 1920 г. хиротонисан во епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии; с 1923 г. епископ Спасский, викарий Казанской епархии; с 1926 г. вновь епископ Чебоксарский, с 1929 г. архиепископ; с 1930 г. архиепископ Казанский и Свияжский; с 1933 г. Ташкентский, вскоре Саратовский; с 1935 г. на покое; арестован и сослан.

когда мы праздновали в монастыре архиерейским служением, и богослужение уже было окончено, и я заканчивал панихиду, я вдруг почувствовал слабость в голове и потемнение в глазах; постарался поскорее закончить панихиду и, отказавшись от обеда у игумении, пошел домой, но, не доходя несколько сажен, потерял сознание и упал. Наш монастырский врач признал причину моего несчастья — переутомление. И я действительно перед тем днем поработал не в меру, приготавливая праздник и проч. Соблюдая диету в столе, избегая утомления в работе и т. п., л. 49 я теперь постепенно возвращаюсь в прежнее состояние и, Бог || даст, еще проживу и поработаю. Да вот беда в том, что у моих родных не все обстоит благополучно. 10 декабря (ст. ст.) скончался мой старший брат, у которого я был на юбилее (50-летию его священства); правда, он уже не служил лет 5, но, при его крепости, можно было надеяться, что он еще потянет, но увы!.. Как мне хотелось побывать на его погребении! Но куда поедешь в своем немощем состоянии? А ведь ехать-то всего 1 сутки по железной дороге... Дальше: в феврале случилась беда с Юлией Никандровной. Пошла она в баню с Раисой Никандровной, и на дороге на нее налетел ломовой и оглоблей ударил с такой силой, что переломал у нее ключицу и повредил пальцы на правой руке. Бедная теперь 5 недель лежит и ничем не может заняться; вся работа пала на Раису Никандров-

л. 49 об. ну и последняя, при слабости своих сил, || теперь также заболела, и боли в пояснице, работать не может. Вот тут и делай что хочешь!.. Я в церкви служу, хотя еще не в полной мере и силе, но домашней работы взять на себя не могу. Долго ли продолжится эта история — сейчас сказать трудно; если поберечься, то можно думать, что к лету-то пройдет.

Ты собираешься летом в Казань. Милости просим. Только где ты найдешь пристанище? Сейчас квартир свободных нет. Мы кое-как ютимся в маленькой квартирке. Наши знакомые — тоже. Вот разве к лету, с отъездом курсисток, освободятся комнатки, из которых ты мог бы занять одну, тебе подходящую. Итак, дерзай!

А как бы было хорошо повидаться чрез 16 лет и побеседовать «усты к устам»!

Теперь же пока прощай и будь здоров.

Низкий поклон и поздравление тебе шлет Юлия Никандровна.

До свиданья!

Твой неизменный друг, протоиерей Н. Виноградов.

2. ПИСЬМО Р. Н. ВИНОГРАДОВОЙ К А. А. ДМИТРИЕВСКОМУ

ОР РНБ. Ф. 253. Д. 388.

Казань, 19 апреля (ст. ст.) 1928 г. 2 л.

Воистину Воскресе!

л. 1

Многоуважаемый Алексей Афанасьевич!

Благодарю Вас за сочувствие моему горю.

Вы просили написать о кончине и похоронах Николая Петровича. Я и сама хотела это сделать, но не могла до сих пор собраться вследствие нервного расстройства, которое было у меня уже и тогда, когда Вы приезжали в Казань, так как я стала уже замечать, что с Николаем Петровичем делается что-то неладное, а числа 18–19 августа с ним сделался второй удар (первый был в Михайлов || день в 1926 г.) После второго л. 1 об. удара у него стала очень слабеть память, так что он начал уже молиться с молитвенником, а потом стали еще слабеть ноги. В день Вашего Ангела у него сделался третий удар, после которого он не сказал ни слова. Он умер 21 марта (по старому стилю) около 1 часу ночи, а отпевали его 23 марта.

На отпевании были оба архиерея — пр[еосвященный] Афанасий и пр[еосвященный] Варсонофий¹¹⁴ и, как мне передавали, 53 священника (считая в том числе, конечно, и протоиереев); стояли они до самого алтаря. Народу тоже было очень много. Надгробные речи были произ-

¹¹⁴ Афанасий (Малинин), архиепископ — см. выше.

Варсонофий (Лузин Александр Владимирович; 1884–1937), епископ — выпускник Уфимской ДС (1908) и КазДА (1912); при окончании академии пострижен в монашество; и. д. доцента родной академии по кафедре истории и обличения русского сектантства (1912); с 1919 г. магистр богословия и доцент; в 1921 г. арестован по групповому делу преподавателей КазДА; в 1921–1922 гг. инспектор и профессор казанского Богословского института; в 1922 г. арестован и сослан. В 1926 г. хиротонисан во епископа Спасского, викария Казанской епархии; в 1927 г. временно управлял Вятско-Ижевской епархией, в 1929 г. — Иркутской; с 1930 г. епископ Приморский и Владивостокский. С 1931 г. в лагерях; в 1937 г. расстрелян.

л. 2 несены А. В. Лебедевым. А. П. Касторским || и Н. М. Троицким¹¹⁵; речь последнего мне понравилась больше всех.

Хлопотали, чтобы Николая Петровича положили в монастырской ограде, но не позволили, и его похоронили на кладбище в нашей ограде, где лежат мой отец, дедушка и сестра Оля.

Вы писали, что Николай Петрович относился ко мне скорее по-отечески; но я и сама была этому очень рада, так как я никогда не была расположена к замужней жизни, даже христосоваться не любила с мужчинами. По окончании курса я мечтала быть сельской учительницей и л. 2 об. служить народу. По выходе замуж я занималась в школах, || а при новом режиме я служила с лишком четыре года в Статистич[еском] управлении, да почти 5 лет числилась безработной; поэтому я хочу хлопотать о пенсии.

Н. М. Красносельцева тоже умерла.

Что касается библиотеки Николая Петровича, то оказалось, что много книг его пропало; не нашла я, к сожалению, и книг Н. Ф. Красносельцева.

2 сент[ября] (по стар[ому] стилю) мы перешли из той квартиры, где Вы у нас были, в самый монастырь, в больничный корпус, а шкаф с книгами остался в прежней квартире у сестры; ее комната проходная. Относительно оставшихся книг я постараюсь составить каталог и прислать Вам, но не обещаю это скоро сделать, так как мне нужно ответить на многие письма, хлопотать о пенсии; потом приходят покупать вещи, да, кроме того, часто прихварываю.

Будьте здоровы!

Уважающая Вас, Р. Виноградова.

¹¹⁵ Касторский Александр Петрович (1886–1938) — выпускник (1910) и и. д. доцента КазДА по кафедре истории Греко-Восточной Церкви со времени отпадения Западной Церкви от Вселенской до настоящего времени; магистр богословия (1919); в 1922 г. принял священный сан; неоднократно арестовывался и отбывал ссылки, расстрелян. Троицкий Николай Михайлович (1879–1937), протоиерей — выпускник КазДА (1904); в 1906 г. принял священный сан, служил в казанских церквях, преподавал Закон Божий в прогимназии и приходских начальных училищах; после революции основал «Братство защиты святой православной веры» для просветительской и миссионерской деятельности в Казанской епархии; в 1918 г. ушел из Казани вместе с белочехами, но в 1922 г. вернулся; служил в Зилантовом Успенском монастыре; с 1924 г. был настоятелем Вознесенского собора; с 1930 г. протоиерей; неоднократно арестовывался и отбывал ссылки, расстрелян.

«Да благословит Господь плоды трудов твоих на пользу Святой Церкви...»

PS. Нашелся только отчет об ученых занятиях за границую Н. Ф. Красносельцева в течение первого полугодия 1881/82 года, отдельный оттиск из протоколов Каз[анской] духовн[ой] академии¹¹⁶.

¹¹⁶ *Красносельцев Н. Ф.* Отчет об ученых занятиях за границей в Риме в течение первого полугодия 1881/82 г. [ПЗС КазДА за 1882 г. Казань, 1883]. С. 64–87.